

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Нейромант

РОМАН — ЛАУРЕАТ «ХЬЮГО», «НЕБЬЮЛЫ»
И ПРЕМИИ ИМЕНИ ФИЛИПА ДИКА

18+

Уильям Форд Гибсон

Нейромант (сборник)

Серия «Киберпространство»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8738832

*Уильям Гибсон. Нейромант: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-09356-0*

Аннотация

«Нейромант» – это классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра. Это книга, определившая лицо современной литературы на десятилетия вперед. Это краеугольный камень киберпанка – стиля и культурного феномена. Будущее в «Нейроманте» – мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Буквально по лезвию ножа должны пройти хакер-виртуоз Кейс и отчаянная девушка-самурай Молли, чтобы выполнить таинственную миссию, запрограммированную десятилетия назад в неведомых глубинах искусственного разума...

Кроме романа, открывающего трилогию «Киберпространство», в книгу включен цикл рассказов «Сожжение Хром», среди которых – «Джонни Мнемоник», послуживший основой для культового фильма Роберта Лонго (в

ролях Киану Ривз, Такэси Китано, Дольф Лундгрэн), и «Отель „Новая роза“», экранизированный Абелем Феррарой (в ролях Уиллем Дефо, Кристофер Уокен, Азия Ардженто).

Переводы публикуются в новой редакции.

Содержание

Нейромант[1]	7
Часть первая	7
1	7
2	48
Часть вторая	72
3	72
4	92
5	117
6	132
7	140
Часть третья	161
8	161
9	178
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Уильям Гибсон

Нейромант

Роман, рассказы

Neuromancer. Copyright © 1984, 1986, 1988 by William Gibson

Burning Chrome. Copyright © 1986 by William Gibson

© В. Ахметьева, перевод, 2015

© А. Гузман, перевод, 2015

© А. Етоев, перевод, 2015

© А. Комаринец, перевод, 2015

© А. Корженевский, перевод, 2015

© С. Красилов, перевод, 2015

© В. Ларионов, перевод, 2015

© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2015

© А. Чертков, перевод, 2015

© В. Еклерис, иллюстрация, 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Настолько объемного, осязаемого образа будущего
не создавал еще никто после Сэмюэля Дилэни с его

классическими повестями 1960-х годов.

Locus

Выдающееся достижение!

Норман Спинрад

Столько лет я ждал, когда же явится ни на кого не похожий новый талант, — и вот он наконец явился.

Роберт Сильверберг

Проза Гибсона, невероятно искусная и ясная, на глазах оборачивается электрической поэзией хай-тека.

Брюс Стерлинг

«Нейромант» — это долгожданный глоток свежего воздуха.

The New York Times

Убедительная панорама будущего, проработанная с невероятным тщанием и размахом. Гибсон создал целый новый жанр.

San Francisco Chronicle

«Нейромант» заслуживает феноменального успеха... ИДИТЕ И ЧИТАЙТЕ!

Mile High Futures

Нейромант¹

Роман

Деб, которая сделала это возможным, с любовью посвящается

Часть первая

Тиба-Сити блюз

1

Небо над портом напоминало телеэкран, включенный на мертвый канал.

– Разве же я употребляю? – услышал Кейс, продираясь сквозь толпу к «Тацу». – Просто у моего организма острая алкогольно-наркотическая недостаточность.

И голос рожденного в Муравейнике, и шуточка муравьиная. В «Тацубо», где собирались все больше спецы-экспаты, можно просидеть неделю и слова не услышать по-японски.

Размеренными движениями протезированной руки бармен Рац выставлял на поднос кружки бочкового «Кирина».

¹ Перевод М. Пчелинцева

При виде Кейса он осклабился восточноевропейской сталью и коричневой гнилью. Тот нашел себе место у стойки между невероятно загорелой шлюхой из команды Лонни Зоуна и высоким африканцем в отглаженной морской форме, с акkuratными рядами племенных шрамов на щеках.

– Утром заходил Уэйдж с двумя своими. – Здоровой рукой Рац пододвинул Кейсу кружку. – Не за тобой?

Тот молча пожал плечами. Девица справа игриво хихикнула и толкнула его локтем.

Улыбка бармена стала еще шире. О его безобразии ходили легенды. Нынче, когда красота доступна каждому – и за вполне умеренные деньги, – отсутствие оной воспринимается как нечто чуть ли не геральдическое. Допотопная механическая рука при каждом движении жалобно завывала. Это был русский военный протез – semifункциональный манипулятор с механической обратной связью, заключенный в грязно-розовый пластик.

– Слишком уж вы артист, герр Кейс. – Рац издал хрюкающий звук, заменявший ему смех. Почесал розовой клешней свисающее через ремень брюхо. – Артист слегка комического плана.

– А то, – ответил Кейс и отхлебнул пива. – Должен же кто-то в этой тошниловке ломать комедию. У тебя ведь – хрен получится.

Шлюха захихикала октавой выше.

– И у тебя, цыпа, тоже не выйдет. И вообще, вали-ка ты

отсюда. Мистер Зоун – мой лучший друг.

Девушка в упор взглянула на Кейса и беззвучно ощерилась. Но все-таки ушла.

– Боже! – закатил глаза Кейс. – Ну что за бордель ты здесь развел? Выпить спокойно нельзя.

– Выпить ему захотелось! – Рац усердно тер тряпкой шершавое дерево стойки. – Зоун отстегивает процент. А тебя я пускаю только в качестве аттракциона.

Кейс поднес кружку к губам, и вдруг наступила странная тишина, когда множество собеседников в разных концах зала умолкли одновременно. В следующее мгновение раздалось истерическое хихиканье шлюхи.

– Ангел пролетел, – буркнул Рац.

– Китайцы! – взревел пьяный австралиец. – Херовы китайцы изобрели сращивание нервов. На этом, мать его, материки нервы так тебе заштопают, что и шва не заметишь, носи до гроба.

– А вот это, – сказал Кейс, глядя в стакан и чувствуя поднимающуюся откуда-то изнутри желчную горечь, – хрень собачья.

* * *

И впрямь хрень. В области нейрохирургии японцы забыли, за ненадобностью, гораздо больше, чем китайцы когда-либо знали. Подпольные клиники Тибета – передовой ру-

беж медицины, целые массивы техники обновляются здесь ежемесячно, но даже местные врачи не смогли выправить ущерб, причиненный Кейсу в Мемфисе.

Он проторчал здесь уж целый год, и с каждым днем мечта о киберпространстве становилась все более призрачной. Он глотал стимуляторы горстями, облазил весь Ночной Город до последней его дыры и по-прежнему видел во сне матрицу – ее яркие логические решетки, развертывавшиеся в бесцветной пустоте... Муравейник где-то там, за Тихим океаном, а он больше ни оператор, ни киберковбой. Заурядный прохиндей, пытающийся выбраться из задницы. Но в японских ночах приходили сны – колдовские, острые, как удар высоким напряжением, и тогда Кейс плакал, просыпался в темноте и корчился в гробу капсульной гостиницы, руки тянулись к несуществующей клавиатуре, впивались в лежанку, и темперлон пузырями вылезал между пальцами.

* * *

– Видел вчера твою девицу, – сказал Рац, пододвигая Кейсу вторую кружку.

– Нет у меня никакой девицы, – помотал головой Кейс.

– А мисс Линда Ли?

Кейс снова помотал головой.

– Нет девушки? Совсем? Весь в делах, дружище артист? Полностью посвятил себя коммерции? – Маленькие карие

глазки бармена тонули среди морщин. — С Линдой ты мне нравился больше. Чаше смеялся. А теперь ты как-нибудь так заиграешься, что окажешься в больнице. В банках, разобранный по кусочку.

— Не говори так, Рац, а то я разрыдаюсь.

Кейс допил пиво, встал и вышел под дождь, ссутулив узкие, обтянутые мокрой нейлоновой штормовкой плечи.

Проталкиваясь в толпе, затопившей улицу Нинсэй, он чувствовал запах собственного давно не мытого тела.

* * *

Кейсу шел двадцать пятый год. В двадцать два он уже был ковбоем, одним из лучших взломщиков Муравейника. Обучали его тоже лучшие специалисты, легендарные Маккой Поли и Бобби Куайн. В почти постоянном адреналиновом возбуждении, присущем молодости и профессионализму, Кейс подключался к изготовленной по спецзаказу киберпространственной деке, которая проецировала его освобожденное сознание на консенсуальную галлюцинацию матрицы. Он был вором и работал на других, более состоятельных воров, на заказчиков, а они снабжали его экзотическим софтом, без которого не просочишься сквозь сверкающие стены корпоративных систем, не прогуляешься по богатому полю данных.

Кейс совершил классическую ошибку, ту самую, которую

клялся никогда не совершать. Он обокрал заказчиков. Утаил кое-что для себя и пытался толкнуть это кое-что через амстердамского барыгу. Он до сих пор не понимал, как его вычислили, хотя сейчас это было совершенно не важно. Кейс думал, что умрет, но они только улыбались. Деньги, говорили они, ну конечно же, кто же не хочет денег. И они тебе здорово понадобятся. Потому что – ослепительная улыбка – мы сделаем так, что ты никогда уже не сможешь работать.

Они повредили его нервную систему русским боевым микотоксином.

В мемфисской гостинице, привязанный к кровати, Кейс галлюцинировал тридцать часов кряду, пока выгорал микрон за микроном его талант.

Нарушение было мельчайшее, едва ощутимое и вместе с тем крайне эффективное.

Для Кейса, который жил лишь ради восторга бестелесных странствий в киберпространстве, это означало полный крах. В барах, куда он ходил прежде, элитарный статус удачливого ковбоя подразумевал отстраненное презрение к плоти. Тело? Это просто кусок мяса. И вот теперь Кейс стал пленником собственного мяса.

* * *

Бывший ковбой незамедлительно превратил все свои активы в пухлую пачку новых иен – старинной бумажной валю-

ты, которая, подобно морским ракушкам аборигенов Новой Гвинеи, беспрерывно циркулировала по замкнутому кругу мировых черных рынков. В Муравейнике с трудом, но все же удавалось вести легальный бизнес на наличные деньги, однако в Японии это строго воспрещалось.

И все же Кейс был уверен, что в Японии ему помогут. В Тибе. Либо в обычной клинике, либо в сумеречном царстве подпольной медицины. Тиба-Сити ассоциировался с имплантацией, сращиванием нервов, микробионикой и как магнит притягивал к себе технокриминальные элементы Муравейника.

За два месяца анализов и консультаций от Кейсовых иен не осталось ровно ничего. Врачи подпольных клиник, бывшие последней его надеждой, только поражались изощренности увечья и скорбно качали головой.

Теперь он спал в припортовых, самых дешевых гробах, под прожекторами, которые всю ночь, как необъятную сцену, освещали доки; и сияние телевизионного неба затмевало не только огни Токио, но даже огромный голографический знак «Фудзи электрик», а Токийский залив представлялся обширной черной гладью, где чайки кружат над дрейфующими островками белого пенопласта. Дальше за портом лежал город – купола заводов, над которыми возвышались прямоугольные силуэты корпоративных зданий. Порт и город разделяла узкая безымянная полоска старых улочек. Ночной Город с улицей Нинсэй в сердце. Днем бары вдоль Нинсэй за-

крывались и выглядели невзрачно: неон мертв, а неподвижные голограммы терпеливо ожидали, когда же под отравленное серебристое небо придет ночь.

* * *

В чайной под названием «Жарр де Тэ», в двух кварталах от «Таца», Кейс запил первое ночное колесо крепким двойным эспрессо. Эту плоскую розовую восьмиугольную таблетку – мощный бразильский декседрин – он купил у одной из зоуновских девиц.

Стены здесь были зеркальные, каждая панель – в обрамлении красных неоновых трубок.

Оставшись почти без денег и без надежды вылечиться, Кейс пришел в какое-то исступление и принялся добывать свежий капитал с холодной, будто бы чьей-то чужой энергией. В первый же месяц он замочил двух мужчин и одну женщину из-за сумм, которые еще год назад показались бы ему смехотворными. Нинсэй изнуряла его и скоро стала казаться внешней проекцией внутреннего стремления к смерти, таинственного яда, который постепенно переполнял тело.

Жизнь Ночного Города похожа на бестолковый эксперимент в области социального дарвинизма; зевающий от скуки исследователь ни о чем не думает, а знай себе поддает жару. Перестань шустрить – и тут же бесследно утонешь, но чуть переусердствуй – и нарушишь хрупкое поверхностное

натяжение черного рынка; и так и сяк – тебя нет, ничего не осталось, кроме смутных воспоминаний о тебе у старожилов вроде Раца, да вдобавок сердце, легкие или почки в больничных колбах, которые еще могут пригодиться какому-нибудь богатенькому засранцу.

Бизнес требовал постоянной интуиции, и смерть воспринималась как естественное наказание за лень, беззаботность, отсутствие такта, за неумение приспособиться к запутанному этикету черного рынка.

Однако, сидя за столиком в «Жарр де Тэ» и чувствуя, как под действием таблетки потеют ладони, вздрагивают волоски на руках и груди, Кейс неожиданно осознал, что давно уже играет в древнюю игру обреченных, азартно раскладывает смертельный пасьянс отчаяния. Он больше не носил оружия и не принимал никаких мер предосторожности. Он заключал поспешные необдуманные сделки прямо на улице и приобрел репутацию человека, способного достать все, что угодно. Какая-то часть его сознания понимала, что ослепительный блеск самоуничтожения не может не броситься в глаза заказчикам, которых, кстати, становилось все меньше. Однако та же самая часть буквально млела в предвкушении близкого конца. И эту же самую часть, в тепле и уюте ожидавшую смерти, особенно раздражали любые мысли о Линде Ли.

Он познакомился с ней в аркаде² одним дождливым вече-

² В начале 1980-х – устоявшееся на Западе название для зала игровых автоматов. Впоследствии этот термин стал обозначать один из видов компьютерных игр.

ром.

Под яркими призраками, сияющими в голубом сигаретном тумане, среди голограмм «Замка колдуна», «Танковой войны в Европе», «Полета над Нью-Йорком»... Буйные сполохи лазерного света превращали ее лицо в код: скулы вспыхивали алым, когда пылал замок колдуна, лоб высвечивался лазурью, когда в Мюнхен входили танки, и рот озарялся жарким золотом, когда скользящий курсор высекал искры в каньоне небоскребов. В тот вечер он чувствовал себя богачом: Уэйджев брикет кетамина отправлен в Йокогаму, капуста уже в кармане. Кейс спрятался от теплого дождя, хлеставшего по тротуарам Нинсэй, и как-то сразу из множества посетителей выделил девушку, которая играла с истинным самозабвением. Несколькими часами позже, в припортовом гробу, он опять рассматривал то же самое восторженное выражение ее сонного лица и губы, похожие на птичку, какую рисуют дети.

Гордый от заключенной сделки, Кейс направился к девушке и вдруг поймал на себе ее взгляд. Серые глаза, густо обведенные черным карандашом. Взгляд животного, парализованного светом приближающегося автомобиля.

Их совместная ночь перешла в утро, в билеты на паром и его первую поездку на ту сторону залива. Дождь хлестал не переставая, сек струями квартал Харадзюку, скатывался каплями по ее синтетической курточке, обдавал водяной пылью токийских подростков в белых кроссовках и блестящих

накидках, шумными группками бродивших мимо знаменитых бутиков, а к полуночи Кейс с Линдой стояли в шумном зале для игры в патинко, и она держалась за его руку, словно ребенок.

Через месяц из-за веществ и чрезмерного напряжения эти постоянно испуганные глаза превратились в бездонные колодцы наркотической жажды. Кейс наблюдал, как, словно айсберг, разваливается на куски ее личность; в конце концов осталась только нездоровая страсть, голый остов пагубной привычки. Она тянулась к очередной дозе с упорством насекомого и напоминала ему богомол, которые продавались в киосках на улице Сига рядом с голубыми карпами-мутантами и сверчками в бамбуковых клетках.

Кейс посмотрел в пустую чашку на черное колечко кофейной гущи. Оно дрожало – малоудивительно, после амфетамина-то. Коричневую столешницу покрывала тусклая паутина крошечных царапинок. Чувствуя дексовую волну, вздымающуюся вдоль позвоночника, Кейс думал о том, какое бесчисленное количество случайных ударов потребовалось, чтобы создать такую поверхность. «Жарр» был обставлен в почтенной безымянной манере прошлого века, этакая смесь традиционного японского стиля с блеклым миланским пластиком, однако все здесь казалось покрытым тончайшей пленкой, словно расшатанные нервы миллионов посетителей каким-то образом подействовали на зеркала и блестящую прежде пластмассу, оставив на каждой поверхности

свой неизгладимый след.

– Привет, Кейс!

Он поднял голову и увидел серые глаза, густо обведенные карандашом. На девушке были поношенный французский орбитальный комбинезон и новехонькие белые кроссовки.

– А я все тебя ищу.

Девушка села напротив и положила локти на стол. Исчерпанные молниями голубые рукава зияли прорехами, и Кейс привычно искал признаки дермов или инъекций на ее руках.

– Курить будешь?

Она вытащила из подколенного кармана мятую пачку сигарет «Ехэюань» и красную пластиковую зажигалку. Кейс закурил.

– Хорошо спишь, Кейс? А то вид у тебя усталый.

Судя по акценту, она происходила из южной части Муравейника – откуда-нибудь близ Атланты. Ее щеки имели бледный нездоровый цвет, хотя тело все еще выглядело гладким и крепким. Ей было двадцать. В уголках губ появились новые морщинки. Темные волосы стягивала шелковая ленточка с узором. Рисунок изображал то ли микросхему, то ли карту какого-то города.

– Совсем не сплю, разве что забуду про таблетки, – ответил Кейс и вдруг ощутил прилив сильного желания – вожделение и одиночество оседлали амфетаминовую волну. Он вспомнил запах ее кожи в жаркой темноте припортового гро-

ба, пальцы, сплетенные у него на пояснице.

«Мясо, – подумал Кейс, – мясо хочет мяса».

– Уэйдж... – сказала девушка, сузив глаза. – Он жаждет увидеть тебя с дыркой во лбу.

Она закурила.

– Кто сказал? Рац? Ты говорила с Рацем?

– Нет. Мона. Ее новый парень работает на Уэйджа.

– Не так уж много я ему и должен, – пожал плечами Кейс. – А если он меня прикончит, то не получит вообще ничего.

– Слишком уж много у него должников, а тебя пришьют – другие задумаются. Так что смотри в оба.

– Ладно. Ну а как ты, Линда? У тебя есть где переночевать?

– Переночевать? Конечно есть, как же без этого.

Девушка дернулась и чуть не упала со стула. Ее лицо покрылось потом.

– Вот. – Кейс вытащил из кармана скомканную полусотню, кое-как ее разгладил, сложил вчетверо и протянул девушке.

– Они пригодятся тебе самому, дорогуша. Отдай их лучше Уэйджу. – В ее серых глазах светилось что-то непонятное, чего он раньше не видел.

– Я должен Уэйджу гораздо больше. Возьми. Я тут скоро еще получу, – солгал Кейс, глядя, как его деньги исчезают в кармане с молнией.

– Как только получишь, сразу ищи Уэйджа.
– Увидимся, – сказал Кейс и встал из-за стола.
– Конечно. – В глазах девушки под радужкой виднелось по миллиметру роговицы. Сампаку.³ – Так что ты поосторожнее.

Он кивнул и почувствовал сильнейшее желание оказаться как можно дальше отсюда.

Закрывая пластиковую дверь, Кейс оглянулся и увидел отражение ее глаз, обрамленное красным неоном.

* * *

Пятница, вечер, улица Нинсэй.

Кейс шел мимо лотков с якитори, мимо массажных кабинетов, мимо фирменной кофейни «Прекрасная девушка», мимо электронного грохота аркады. В одном месте он уступил дорогу смуглому сараримену, попутно заметив у того фирменный знак «Мицубиси-Генотех», вытатуированный на тыльной стороне правой кисти.

Настоящий знак или картинка для хвастовства? Так или иначе, подумал Кейс, мужик этот прямо напрашивается на крупные неприятности. А если знак липовый – то и подделом. Служащим «М-Г», достигшим определенного уровня,

³ «Три белизны» (*яп.*) – состояние глаз, при котором над нижним веком постоянно видна полоска роговицы. Согласно восточному поверью, таким образом закаченные глаза пророчат скорую смерть.

имплантируют новейшие микропроцессоры, которые замеряют содержание мутагенов в крови. С таким прибором в Ночном Городе залетишь на гоп-стоп как пить дать – на гоп-стоп и дальше, напрямиком в подпольную клинику.

Сараримен был японцем, но по большей части толпа на Нинсэй состояла из гайдзинов – приезжих. Шли из порта группки моряков, озабоченные одинокие туристы искали удовольствий, не указанных в путеводителях, шустрилы из Муравейника щеголяли искусственными бицепсами и имплантатами, сновали всевозможные мошенники – все двигалось в сложном танце желаний и купли-продажи.

И хотя бесчисленные теории объясняли, почему в Тиба-Сити терпели район Нинсэй, Кейс склонялся к мысли, что якудза сберегла это место в качестве исторического заповедника – как памятник скромному истоку своей деятельности. Не лишенным смысла казалось и утверждение, что бурно развивающимся технологиям нужны зоны беззакония и Ночной Город существует не как среда обитания, а как намеренно ничем не ограниченный производственный полигон.

Кейс смотрел на уличные огни и думал: права ли Линда? Способен ли Уэйдж убить его в назидание остальным? Смысла как-то мало, однако, с другой стороны, Уэйдж торговал в основном запрещенными биопрепаратами, а для этого нужно быть полным психом.

Итак, Линда утверждает, что Уэйдж хочет его смерти. Основное открытие Кейса в динамике уличной торговли состо-

яло в том, что на самом деле ни покупатель, ни продавец в нем не нуждаются. Посредник – неизбежное зло, в этом, собственно, и состоит его бизнес. Сомнительная ниша, которую Кейс создал в криминальной экологии Ночного Города, выдалбливалась обманом и еженощно углублялась предательством. И теперь, услышав, что стены этой ниши трещат, он чувствовал себя на гребне странной эйфории.

Неделю тому назад, стараясь снять большую, чем обычно, маржу, Кейс задержал продажу синтетического гландулярного экстракта. Вряд ли Уэйджу это понравилось. Уэйдж – его главный поставщик, он провел в Тибете девять лет и был одним из немногих иностранцев, кому удалось наладить связь с замкнутым, строго иерархичным преступным истеблишментом за пределами Ночного Города. Генетические материалы и гормоны проникали на Нинсэй по таинственной цепочке связанных. Однажды Уэйджу каким-то образом удалось выяснить, откуда поступает товар, и теперь у него были прочные связи с дюжиной городов.

Кейс очнулся от размышлений у витрины магазина. Здесь продавали морякам маленькие блестящие штучки: часы, пружинные ножи, зажигалки, карманные видеодвойки, симстим-деки, массивные цепочки-манрики и сюрикэны. Эти стальные звездочки с острыми как бритва лучами всегда его восхищали. Одни – хромированные, другие – черные, третьи – с радужными, как нефть на воде, разводами. Хромированные – просто загляденье. Лежат на алой ультразамше, при-

крепленные едва заметной нейлоновой леской, в центре каждой выдавленный инь—ян или дракончик. Сюрикэны переливались уличным неоном, и Кейсу на мгновение показалось, что это и есть его путеводные звезды, что его судьба читается в созвездии грошовых хромированных железок.

– Жюли, – сказал им Кейс. – Пора навестить старину Жюли. Он все знает.

* * *

Джулиусу Дину было сто тридцать пять лет, и он упорно замедлял свой метаболизм еженедельным приемом сывороток и гормонов. Но его главным оружием против старения было ежегодное паломничество в Токио, где хирурги-генетики совершали недоступную в Тибете операцию – восстанавливали генетический код. После омоложения Дин летел в Гонконг, где заказывал годовой запас костюмов и рубашек. В жизни этого бесполого, нечеловечески спокойного человека была одна-единственная страсть: он исповедовал наиболее эзотерические разновидности тряпкопоклонства. И хотя его гардероб чуть ли не целиком состоял из тщательных реконструкций одежды прошлого столетия, Кейс ни разу не видел, чтобы Джулиус надел один и тот же костюм дважды. Дин носил очки в тончайшей золотой оправе с линзами, вырезанными из пластинок розового синтетического кварца и обточенными наподобие зеркал викторианского кукольного

домика.

Его контора помещалась неподалеку от Нинсэй, в складском помещении, много лет назад частично обставленном разношерстной европейской мебелью, словно Дин и вправду собирался здесь жить. В комнате, где находился сейчас Кейс, вдоль стены пылились громоздкие книжные шкафы в ново-ацтекском стиле. На низком кофейном столике из ярко-алой стали, будто изготовленном Кандинским, неуклюже примостились две пузатые настольные лампы в стиле Диснея. На стене, между книжными шкафами, висели часы а-ля Сальвадор Дали, их искореженный циферблат стекал прямо на бетонный пол. Голографические стрелки в точности повторяли мельчайшие изгибы причудливого циферблата, но почему-то всегда показывали неправильное время. Повсюду стояли белые стекловолоконные упаковки, источавшие резкий запах имбиря.

– Хвоста за тобой вроде нет, – раздался из ниоткуда голос Дина. – Ну, давай, сынок, входи.

Слева от книжных шкафов щелкнули магнитные запоры массивной, отделанной под розовое дерево двери. К полированному пластику были приклеены – и почти уже отклеились – большие буквы: «ДЖУЛИУС ДИН. ИМПОРТ-ЭКСПОРТ». И если в импровизированной приемной обстановка воспроизводила конец прошлого века, то в самом кабинете она соответствовала его началу.

Из светового пятна, созданного старинной медной лампой

с темно-зеленым прямоугольным абажуром, на Кейса смотрело гладкое розовое лицо. Импортер восседал за огромным металлическим письменным столом, с обеих сторон его окружали шкафы из светлого дерева с многочисленными ящичками. Кейс предполагал, что в них, вероятно, раньше хранились какие-то записи. Столешницу заваливали разбросанные кассеты, рулоны пожелтевших распечаток и детали допотопной механической пишущей машинки, до которой у Дина никогда не доходили руки.

– Так чем же обязан честью? – спросил импортер, в руке его появилась тоненькая карамелька в бело-голубом клетчатом фантике. – Попробуй. «Тин-Тин-Дьяхе», самые лучшие.

Кейс отрицательно мотнул головой, сел на гнутый деревянный стул и провел большим пальцем по едва заметному рубчику черных джинсов.

– Жюли, я слышал, что Уэйдж хочет меня убить.

– А-а-а... Ну, тогда... А от кого ты это слышал, позволено будет узнать?

– От людей.

– От людей, – повторил Дин, посасывая имбирную карамельку. – И что же это за люди? Друзья?

Кейс кивнул.

– Не всегда ведь и поймешь, кто твой друг, верно?

– Я немного задолжал Уэйджу. Он ничего тебе не говорил?

– В последнее время я с ним не общался, – вздохнул

Дин. – Но и знай я что-нибудь, все равно ничего бы тебе не сказал. Исходя из положения вещей.

– Положения вещей?

– Уэйдж – важное звено, Кейс.

– Он действительно хочет меня убить?

– Этого я не знаю. – Дин равнодушно пожал плечами; сторонний наблюдатель мог бы подумать, что они обсуждают цены на имбирь. – Если слух не подтвердится, возвращайся, сынок, где-нибудь через недельку, я подкину тебе малость сингапурского товару.

– Из отеля «Нан-Хай», что на Бенкулен-стрит?

– Болтай поменьше! – ухмыльнулся Дин.

Металлический стол был под завязку забит оборудованием, исключаяющим прослушивание.

– Ладно, до встречи, Жюли. Пойду передам привет Уэйджу.

Пальцы Дина поправили идеальный узел светлого шелкового галстука.

* * *

Кейс не прошел и квартала, как внезапно, прямо-таки на клеточном уровне почувствовал, что кто-то плотно сел ему на хвост.

Мания преследования была для Кейса нормальным профессиональным заболеванием, как силикоз для шахтеров; он

давно воспринимал эту слабость как нечто само собой разумеющееся. Хитрость состояла в том, чтобы не позволить ей выйти из-под контроля, но порой это было довольно затруднительно из-за большого количества закаченных колес. Кейс справился с приливом адреналина и, придав своему устому лицу выражение скучающей рассеянности, притворился праздным гулякой. Через некоторое время он увидел затемненную витрину и остановился рядом. Это был хирургический бутик, закрытый на ремонт. Сунув руки в карманы, Кейс разглядывал плоский шмат искусственной плоти, лежащий на резной, поддельного нефрита, подставке. Кожа образца напомнила ему «загар» шлюх Зоуна, на ней тускло, как татуировка, мерцал цифровой дисплей, управляемый подкожным чипом. «Зачем, – подумал Кейс, чувствуя, как пот струится по ребрам, – нужно вживлять микросхему, если ее можно просто носить в кармане?»

Не поворачивая головы, одними глазами он изучал отражение проходящей мимо толпы.

Вот.

За моряками в рубашках хаки с короткими рукавами. Темные волосы, зеркальные очки, темная одежда, стройный...

Исчез.

Низко пригнувшись, петляя между прохожими, Кейс побежал по улице.

* * *

– Одолжи мне ствол.

Шин улыбнулся:

– Через два часа.

Окруженные запахами свежевывловленной морской живности, они стояли в подсобке павильона, торгующего суси на улице Сига.

– Приходи через два часа.

– Мне нужно сейчас. Поищи, может, есть что-нибудь.

Шин пошарил за пустыми двухлитровыми банками из-под тертого хрена и извлек на свет божий продолговатый, завернутый в серую клеенку пакет:

– Тазер. Один час, двадцать нью-иен. Залог тридцать.

– На хрена он мне? Мне нужен пистолет. А то пойду я вот сейчас гулять, и захочется мне кого-нибудь шлепнуть. Ну и куда же я тогда без пистолета?

Официант пожал плечами и водворил тазер на прежнее место:

– Через два часа.

* * *

Кейс вошел в магазин, даже не взглянув на выставку сю-

рикэнов. Он не метал их ни разу в жизни.

С помощью кредитного чипа Мицубиси-банка на имя Чарльза Дерека Мея он купил две пачки «Ехэюань»; чип этот служил Кейсу вместо паспорта.

Продавщица-японка выглядела на несколько лет старше старины Дина; правда, свои годы она прожила без помощи достижений науки. Кейс вынул из кармана тощую стопку нью-иен:

– Я хочу купить оружие.

Продавщица показала на витрину с ножами.

– Нет, – сказал Кейс, – я не люблю ножи.

Тогда женщина вытащила из-под прилавка продолговатую коробку. На желтом картоне крышки грозно раздувала капюшон аляповатая, свернувшаяся кольцами кобра. Под крышкой лежали восемь одинаковых цилиндров в бумажной упаковке. Кейс молча наблюдал, как коричневые, в желтых старческих пятнах пальцы разворачивают обертку. Женщина показала ему матовую стальную трубочку с кожаной петлей на одном конце и маленькой бронзовой пирамидкой на другом. Она взяла трубку в одну руку, а другой потянула за пирамидку. Наружу вылетели и зафиксировались три промасленных телескопических сегмента туго навитой пружины.

– «Кобра», – сказала продавщица.

Небо над неоновыми конвульсиями Нинсэй приобрело сероватый оттенок. Сегодня воздух обдирал легкие, словно наждачная бумага; на многих прохожих были фильтрующие маски. Кейс провел в уборной целых десять минут, пытаясь пристроить «кобру» поудобнее, но в конце концов попросту заткнул ее за пояс. Прикрытый штормовкой пирамидальный конец тыкался под ребра. При каждом шаге эта штуковина грозила вывалиться на землю, но все же с ней было как-то спокойнее.

«Тац» не очень-то процветал и в будние вечера привлекал в основном постоянную клиентуру. Зато по пятницам и субботам он выглядел совсем иначе. И хотя в эти дни многие завсегдатаи приходили тоже, они как-то терялись среди массы подвыпивших моряков и профессиональных воришек, охотившихся за их кошельками. Войдя в бар, Кейс поискал глазами Раца, но тот куда-то исчез. Местный сутенер Лонни Зон остекленевшим взглядом подвыпившего папаши наблюдал, как одна из его девочек обрабатывает юного моряка. Сводник употреблял балду, которую японцы называют «облачные танцовщицы». Поймав на себе его взгляд, Кейс помахал рукой. Лонни неторопливо подошел, его анемичное продолговатое лицо выражало безмятежное спокойствие.

– Лонни, ты видел сегодня Уэйджа?

Зоун посмотрел на Кейса и медленно покачал головой.

– Зуб даешь?

– А может, и видел. В «Намбане». Часа два назад.

– С ним были ребята? Один такой стройный, с темными волосами, наверное, в черной куртке?

– Нет, – сказал Зоун после длительных раздумий; морщины на его лбу должны были свидетельствовать о мучительных усилиях, необходимых, чтобы вспомнить столь мелкие подробности. – Здоровые такие ребята. С искусственными бицепсами.

Под прикрытыми веками Зоуна проглядывали крохотные белки, еще меньшие радужки и огромные расширенные зрачки. Он долго смотрел Кейсу в лицо, затем опустил взгляд. Заметил выпирающий стальной хлыст. Многозначительно поднял бровь и сказал:

– «Кобра». Ты хочешь кого-то замочить?

– Пока, Лонни.

И Кейс покинул бар.

* * *

Хвост вернулся. Кейс знал это наверняка. К обычному наркотическому возбуждению добавилось нечто новое, он почувствовал приступ восторга. «Чему радуешься, – подумал он, – псих ненормальный?»

Каким-то непостижимым образом обстановка напомина-

ла матрицу. Устань, окажись в отчаянно неожиданном положении, и ты увидишь Нинсэй информационным полем (примерно так же однажды матрица напомнила ему протеины, сцепляющиеся друг с другом, чтобы задать специализацию клетки). Тогда можешь броситься в головокружительный акробатический полет, отдаться ему целиком, ни на секунду не забывая о своей отделенности, а вокруг тебя бушует неудержимый танец чисел – сделки, счета, котировки, – и ты видишь, как базы данных претворяются в плоть лабиринтов черного рынка...

«Давай, Кейс, – говорил он сам себе. – Надери их. Вот уж чего они никак не ожидают».

Кейс находился в полуквартале от игровой аркады, где когда-то познакомился с Линдой Ли.

Расталкивая гуляющих матросов, он бросился через улицу. Ему вслед заорали по-испански. Кейс открыл дверь, и оттуда рванул грохот, похожий на рев прибоя, и мощный инфразвук отозвался даже не в ушах, а где-то в желудке. Кто-то нанес десятимегатонный удар в «Танковой войне», и теперь чудовищный огненный шар, имитирующий воздушный ядерный взрыв, превращался в голограммный клубящийся дымный гриб, вся аркада утонула в белом шуме. Кейс бросился вправо и побежал по некрашеным ступенькам вверх. Как-то он приходил сюда с Уэйджем договариваться о запрещенных гормональных триггерах с неким Мацугой. Кейс припоминал этот коридор, грязную циновку, ряд одинако-

вых дверей, ведущих в крохотные кабинетики. Одна дверь была открыта. Из-за белого терминала подняла голову молоденькая японочка в черной майке; за ее спиной виднелся постер, рекламирующий поездку в Грецию, – голубизна Эгейского моря заляпана округлыми иероглифами.

– Вызови охрану, – сказал Кейс.

И помчался дальше. Две последние двери были закрыты и, скорее всего, заперты. Он развернулся и припечатал нейлоновой подошвой кроссовки самую дальнюю по коридору дверь, сделанную из синего пластика. Раздался хруст, слабые петли вырвало из хлипкого косяка. Темнота и белый изгиб компьютерного терминала. Кейс бросился направо к следующей двери, схватился за прозрачную пластмассовую ручку и навалился изо всех сил. Что-то щелкнуло, и он оказался в комнате. В той самой, где они с Уэйджем видели в тот раз Мацугу, но от подставной фирмы, которая здесь размещалась, не осталось и следа... Ни терминалов, ничего. Только тусклый уличный свет, сочащийся сквозь закопченный пластик. Кейс заметил торчащую из стенки змею световодного кабеля, кучу пустых пакетов от какой-то японской жратвы и электрический вентилятор без лопастей.

Окно было заделано куском дешевой, некогда прозрачной пластмассы. Кейс снял куртку, обмотал правую руку и ударил. Окно треснуло, еще два удара, и оно вылетело из рамы. То ли из-за разбитого окна, то ли стараниями девушки сквозь приглушенный хаос игры начала завывать тревожная

сирена.

Кейс обернулся, накинул куртку и раскрыл «кобру». Он ждал, что преследователь заметит выбитую дверь и бросится сначала туда. Бронзовая пирамидка на конце упругого стального хлыста раскачивалась, вторя ударам пульса.

Время шло, однако ничего не происходило. Только завывала сирена, гремели игры, колотилось сердце. И тогда, как полузабытый друг, вернулся страх. Но не холодная, четкая дексовая паранойя, а обыкновенный животный ужас. Кейс так долго прожил в постоянной тревоге, что почти забыл вкус настоящего страха.

В такой конуре убить человека проще простого. И он может здесь умереть. У них может быть оружие.

В дальнем конце коридора что-то грохнуло. Какой-то мужчина заорал по-японски. Дикий ужасный вопль. И снова грохот.

Неторопливые приближающиеся шаги.

Кто-то проходит мимо двери. Тишина, только три торопливых удара сердца. Возвращается. Раз! Два! Три! Скрипнула под каблуком циновка.

Остатки декседриновой смелости рухнули. В слепом, нерассуждающем ужасе, чувствуя, как звенят от напряжения нервы, Кейс сложил «кобру» и подкрался к окну. Не отдавая отчета в своих действиях, он вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Столкновение с мостовой послало вдоль голеней острые клинья боли.

Узкая полоса света из полуоткрытого служебного люка падала на клубок проводов, разбитые платы и консоль древнего компьютера. Кейс лежал лицом вниз на сырой древесно-стружечной плите; придя в себя от удара, он сразу перекатился в тень. Окно, откуда он выпал, слабо светилося. Здесь завывание сирены слышалось громче, а шум игрового зала, отгороженного стеной, – тише.

В окне появилась и тут же исчезла чья-то голова. Опять появилась, но черты лица не разобрать. Только вместо глаз – серебряный блеск.

– Вот же мать твою! – произнес женский голос с акцентом северного Муравейника.

Голова исчезла и больше не появлялась. Лежа под консолью, Кейс сосчитал до двадцати и встал. Несколько секунд он тупо смотрел на собственную руку и зажатую в ней «кобру», а потом заковылял по улице, прихрамывая и стараясь поменьше ступать на левую ногу.

* * *

Интересно, где это Шин откопал такую рухлядь, ведь пи-столетику этому лет пятьдесят, никак не меньше. Вьетнамская копия бразильской пародии на «Вальтер ППК», самовзвод с очень тугим спуском, приспособлен под винтовочный патрон двадцать второго калибра. Да и в патронах не настоящие разрывные пули, а китайская дешевка, свинцовые

с пустотелым концом. И все-таки это пистолет, с восьмью патронами в обойме и одним в стволе; выйдя из лавчонки Шина на улицу Сига, Кейс то и дело опускал руку в карман и поглаживал красную пластиковую рукоятку, украшенную рельефными драконами. Свернув на Нинсэй, он выбросил «кобру» в первый же мусорный ящик и проглотил, не запиная, очередной восьмиугольник.

Подхлестнутый таблеткой, он стремительно помчался по Нинсэй и далее по Байицу. Хвост, похоже, отстал, и это тоже радовало. Ему нужно позвонить, погоня погоней, но бизнес не ждет. Недалеко от порта на улице Байицу стоял безобразный десятиэтажный дом из желтого кирпича. Его окна уже погасли, но, если задрать голову, можно было различить слабое свечение, идущее с крыши. Потухшая неоновая вывеска у главного входа гласила: «Дешевый отель»; далее шли сплошные иероглифы. Если гостиница и имела другое название, то Кейс его не знал, потому что ее везде называли не иначе как «Дешевый отель». Свернув с Байицу в узкий проулок, вы оказываетесь у основания прозрачной шахты. Лифт к «Дешевому отелю» пристроили позднее, с помощью бамбука и эпоксидки. Кейс забрался в кабину и вставил в щель свой индивидуальный ключ – обрезок жесткой магнитной ленты.

Кейс арендовал здесь гроб в первый же день по прибытии в Тибу и возобновлял договор еженедельно. Однако он ни разу здесь не спал. На ночь он перебирался в другие, еще

более дешевые заведения.

Исцарапанные, засаленные стенки кабины провоняли дешевыми духами и сигаретами. Когда лифт прошел пятый этаж, Кейс увидел уличные фонари Нинсэй. Постукивая пальцами по рукоятке пистолета, он дождался, пока лифт со змеиным шипением не остановится. Как всегда, остановка сопровождалась сильным толчком, но он к этому привык. Выйдя из лифта, он очутился на зеленой лужайке, служившей одновременно гостиничным холлом. Посреди синтетического газона за полукруглой компьютерной консолью сидел мальчишка-японец; он читал какой-то учебник. Над пацаном возвышались строительные леса с фибerglassовыми гробами. Шесть ярусов, по десять гробов в каждом, с каждой из четырех сторон. Кейс кивнул мальчишке и пошкандыбал к ближайшей лестнице. И хотя все сооружение было покрыто листами дешевого слоистого пластика, которые трещали от сильного ветра и текли во время дождя, сами гробы были довольно прочными, вскрыть такую капсулу без ключа было не так-то и просто.

Длинный решетчатый трап вибрировал под ногами, пока Кейс пробирался по третьему ярусу к своему номеру, 92-му. Все гробы были по три метра длиной и имели овальный люк в один метр шириной и чуть меньше полутора метров высотой. Кейс вставил магнитный ключ в щель и подождал, пока компьютер не подтвердит его подлинность. Магнитные запоры громко щелкнули, и, скрипя пружинами, люк поднялся.

Вспыхнули флюоресцентные лампы, Кейс заполз внутрь, закрыл за собой люк и заперся на механический засов.

В «номере» не было другой мебели, кроме маленького карманного компьютера «хитачи» и небольшого холодильника. В белом пенопластовом шкафчике лежало все, что осталось от трех десятикилограммовых брусков сухого льда, обернутых плотной бумагой, чтобы меньше испарялись, а также небольшой алюминиевый контейнер. Присев на коричневом поролоновом мате, который служил одновременно и полом и кроватью, Кейс вынул из кармана пистолет и положил его на холодильник. Затем снял куртку. В одну из изогнутых стен гроба был встроен пульт бытового компьютера, а напротив висела табличка, сообщавшая гостиничные правила на семи языках. Кейс снял розовую телефонную трубку и набрал по памяти гонконгский номер. Прослушав пять длинных гудков, он повесил трубку. Покупатель трех мегабайт информации, висевшей в оперативке его «хитачи», не отвечал.

Тогда он позвонил по токийскому номеру.

В трубке женский голос что-то сказал по-японски.

– Ловчила дома?

– Рад тебя слышать, – вступил в разговор Ловчила. – Я ждал твоего звонка.

– Тут появилась музыка, которую ты хотел. – Кейс посмотрел на холодильник.

– Очень рад. Но у нас проблемы с наличием. Ты мо-

жешь подождать?

– Слушай, мне очень нужны деньги...

В трубке раздались короткие гудки.

– Ну ты говно. – И Кейс с сомнением уставился на дешевый маленький пистолет. – Странно это все, – добавил он. – И чем дальше, тем страньше.

* * *

Держа руки в карманах, причем одна рука сжимала пистолет, а другая – алюминиевый контейнер, Кейс вошел в «Тац». До рассвета оставался еще добрый час.

Прислонившись к стенке, взгромоздив все свои сто двадцать кило на скрипучий стул, Рац сидел за дальним столиком и пил из пивной кружки минералку «Аполлонарис». За стойкой работал бразилец Курт, который присматривал за несколькими, в основном тихими, пьяницами. Рац поднял надсадно гудящим протезом кружку, сделал глоток и поставил ее на место.

– Плохо выглядишь, дружище артист, – сказал он, демонстрируя непотребное содержимое своего рта.

– Наоборот, я чувствую себя отлично, – улыбнулся Кейс, и его лицо стало похоже на оскаленный череп. – Сверхотлично.

Он плюхнулся на стул напротив Раца, по-прежнему держа руки в карманах.

– Ага, и ты шляешься с места на место в своем переносном бомбоубежище из водки и стимуляторов. Наилучшая защита от неприятных эмоций?

– Слушай, отстал бы ты от меня со своими шуточками. Уэйдж тут не пробежал?

– Защита от страха и одиночества, – продолжал бармен. – Прислушайся к своему страху. Может быть, он – твой друг.

– Ты ничего не слышал о потасовке в аркаде, Рац? Кто-нибудь ранили?

– Кто-то порезал охранника. – Бармен равнодушно пожал плечами. – Вроде девица какая-то.

– Я хочу поговорить с Уэйджем, Рац. Я...

– Да? – Губы бармена неожиданно сжались в прямую линию. Он смотрел мимо Кейса на входную дверь. – Сейчас поговоришь.

Перед внутренним взором Кейса неожиданно сверкнули сюрикэны. В голове звенел проглоченный за день декс. Пистолетная рукоятка стала скользкой от пота.

– Герр Уэйдж. – Рац медленно протянул вперед свой розовый манипулятор, как будто ожидая рукопожатия. – Какая огромная честь. Вы у нас такой редкий гость.

Кейс обернулся и посмотрел Уэйджу в лицо. Загорелая, ничем не приметная маска. Его глаза, искусственные, цвета морской волны (трансплантаты фирмы «Никон»), ничего не выражали. Уэйдж был одет в темно-серый шелковый костюм и на каждом запястье носил по простенькому платиновому

браслету. Его сопровождали два почти одинаковых молодых парня, руки и плечи которых раздувались от искусственных мышц.

– Как поживаешь, Кейс?

– Джентльмены, – сказал Рац, поднимая со стола розовой клешней пепельницу, полную окурков, – я не хочу здесь никаких неприятностей. – Толстая, из ударопрочной пластмассы пепельница рекламировала пиво «Циндао»; она жалобно хрустнула в клешне Раца, на стол посыпались окурки и зеленые осколки. – Вы меня понимаете?

– Эй, папаша, – сказал один из парней, – уж не хочешь ли ты испытать эту штуковину на мне?

– Не старайся целиться в ноги, Курт, – негромко кинул Рац.

Только теперь Кейс увидел, что стоящий за стойкой бразилец навел на троицу райот-ган фирмы «Смит-и-Вессон». Ствол ружья, сделанный из тонкого, как бумага, сплава, плотно обвивала стеклянная нить, а калибр был столь велик, что в дульное отверстие свободно проходил сжатый кулак. В решетчатом открытом магазине виднелись пять толстых оранжевых патронов с «желейными» пулями.

– Теоретически бессмертельно, – сказал бармен.

– Слушай, Рац, – заговорил наконец Кейс, – за мной должок.

– Ничего ты мне не должен, – пожал плечами Рац. – А этим, – он сверкнул глазами в сторону Уэйджа и его друж-

ков, – следовало бы получше знать правила. В «Тацубо» никого не мочат.

Уэйдж примирительно кашлянул:

– Никто никого и не собирался мочить. Мы только хотели поговорить о деле. Мы с Кейсом партнеры.

Кейс вытащил пистолет и навел его Уэйджу в пах:

– Мне сказали, ты хочешь меня убить.

Розовая клешня обхватила пистолет, Кейс беспрекословно его выпустил.

– Слушай, Кейс, ты дурак или сроду так? Что это за чушь, будто я собираюсь тебя убить? – Уэйдж повернулся к своим телохранителям. – Вы, двое, отправляйтесь в «Намбан». Ждите меня там.

Кейс наблюдал, как парочка проследовала к выходу, теперь, кроме них, в баре оставались только Курт за стойкой да пьяный матрос, свернувшийся калачиком на полу. Ствол «смит-и-вессона» проводил двоих к двери, а затем опять вернулся к Уэйджу. Магазин «вальтера» со стуком упал на стол. Держа оружие клешней, Рац здоровой рукой выколупывал патрон из патронника.

– Кто сказал, что я собираюсь тебя пришить, Кейс? – спросил Уэйдж.

Линда.

– Кто тебе такого наговорил? Кто-то пытался тебя подставить.

Матрос застонал и изрыгнул фонтан блевотины.

– Вышвырни его отсюда, – приказал Рац Курту, который закуривал, сидя на краю стойки; ружье лежало у него на коленях.

Внезапно Кейс почувствовал, что ночь навалилась на него, мокрый тяжелый песок надавил на глазные яблоки. Он вынул из кармана алюминиевый контейнер и протянул его Уэйджу:

– Все, что у меня есть. Гипофизы. Если постараться, можно толкнуть за пять сотен. Остальные мои деньги были вложены в кое-какие файлы, но там, похоже, полный прогар.

– Слушай, Кейс, ты не болен? – (Контейнер исчез во внутреннем кармане темно-серого пиджака.) – Я хотел сказать, ладно, мы в расчете, но у тебя нездоровый вид. Такое ощущение, словно о тебя вытирали ноги. Шел бы ты и поспал.

– Надо бы... – Кейс встал, и бар закачался перед глазами. – У меня было еще пятьдесят. Но их я отдал одной подруге.

Он по-дурацки хихикнул. Затем взял со стола магазин, отдельный патрон, положил их в один карман, а пистолет засунул в другой.

– Пойду к Шину, заберу залог.

– Лучше иди домой, – как-то смутившись, произнес Рац и сел; многострадальный стул жалобно закрипел под его огромным телом. – Артист. Иди-ка ты домой.

Проталкиваясь в дверь, Кейс спиной чувствовал, что они смотрят ему вслед.

– Вот же сука, – сказал Кейс, глядя, как небо над Сигой приобретает розовый оттенок.

Голограммы Нинсэй, подобно ночным призракам, одна за другой исчезали перед наступающим рассветом, а неоновые вывески погасли уже почти все. Кейс отхлебнул из пластмассового стаканчика крепкий черный кофе, купленный на улице у лоточника, и вновь посмотрел на восходящее солнце.

– Улетай-ка ты отсюда, милочка. Город вроде этого – для тех, кто предпочитает катиться по наклонной.

На самом деле все было гораздо сложнее, и едва ли стоило на нее злиться. Просто Линде был нужен билет домой, а то, что лежало в оперативке его «хитачи», обеспечит ей необходимую сумму – если найдется покупатель. А с пятидесяткой – так это вообще красивый номер: ведь она чуть было ее не вернула – наверняка уже зная, что вскоре обчистит его до нитки.

Когда Кейс вышел из лифта, в холле «Дешевого отеля» сидел все тот же мальчуган. Правда, уже с другим учебником.

– Эй, приятель, – крикнул ему Кейс, – можешь ничего не рассказывать. Я уже все знаю. Приходила хорошенькая дама и сказала, что я дал ей свой ключ. И предложила неплохие чаевые – скажем, пятьдесят новых?

Мальчик оторопело уставился на клиента.

– Женщина, – сказал Кейс и провел по лбу мальчишки большим пальцем. – Белая. – Он широко улыбнулся.

Мальчишка заулыбался в ответ и закивал.

– Спасибо, задница, – бросил Кейс и направился к лестнице.

Замок долго не хотел открываться. «Наверное, испортила, когда вскрывала, – подумал Кейс. – Начинаящая». Сам-то он отлично знал, где взять «черную коробочку», которая могла открыть в «Дешевом отеле» любую дверь. Когда он наконец забрался внутрь, вспыхнули лампы.

– Ну-ка, дружок, не дергайся, закрой люк, только очень медленно. Та штука, которую ты взял у официанта, еще с тобой?

Опираясь спиной о стену, в дальнем конце гроба сидела незнакомка. Она целилась в Кейса из игольника, держа тот для верности обеими руками и положив запястья на согнутые колени. Ствол, похожий на головку перечницы, глядел ему прямо в лицо.

– Это ты буйствовала там, в аркаде? – Кейс закрыл люк. – А где Линда?

– Закрой дверь на задвижку.

Кейс повиновался.

– Линда? Это твоя девушка?

Он кивнул.

– Уехала. Прихватила с собой твою «хитачи». Очень нервная особа. Так как насчет оружия?

На девушке были зеркальные очки. И вся она была в черном, а каблуки черных ботинок глубоко вдавливались в темперлон.

– Я вернул его Шину и забрал залог. И патроны вернул, за полцены. Тебе что нужно, деньги?

– Нет.

– Тогда, может, сухой лед? Это все, что у меня осталось.

– Слушай, что с тобой сегодня происходит? Зачем ты устроил бучу в аркаде? Привязался охранник с нунчаками, пришлось его резать.

– Линда сказала, что ты хочешь меня убить.

– Линда? Да я ее сегодня в первый раз увидела – здесь, в твоём гробу.

– Ты работаешь на Уэйджа?

Девушка покачала головой. Кейс только сейчас заметил, что ее «очки» были на самом деле хирургическими вставками. Серебристые линзы словно вросли в бледное лицо, обрамленное шапкой темных, небрежно подстриженных волос. Тонкие белые пальцы с бордовым маникюром сжимали игольник. Ногти, похоже, были искусственные.

– Ты, Кейс, сидишь в глубокой заднице. Стоило мне появиться, и опа – ты уже вмонтировал меня в свою картину мира.

– Так что же вам от меня нужно, леди? – Кейс оперся спиной на люк.

– Ты. Живое тело и не совсем еще поврежденные мозги.

Молли, Кейс. Меня зовут Молли. Я отведу тебя к человеку, на которого работаю. Он хочет с тобой поговорить. Просто поговорить. Никто не собирается делать тебе больно.

– Отрадно слышать.

– Правда, вот я иногда делаю людям больно. Так уж я устроена.

На девушке были обтягивающие джинсы из замши и просторная черная куртка из какого-то матового материала, который, казалось, полностью поглощал свет.

– Если я спрячу этот самострел, не будешь создавать мне трудностей, Кейс? Ты похож на человека, который любит глупый риск.

– Да что ты, не беспокойся, я буду паинькой, никаких проблем.

– Ну что ж, прекрасно. – (Игольник исчез под черной курткой.) – Потому что, если попробуешь со мной выдрючиваться, это будет самый глупый поступок в твоей глупой жизни.

Она вытянула руки ладонями вверх, слегка расставила пальцы, послышался едва слышный щелчок – и десять обоюдоострых четырехсантиметровых стальных лезвий выскочили из своих ножен под бордовыми ногтями.

Девушка улыбнулась. Лезвия медленно втянулись обратно.

После целого года жизни в гробах комната на двадцать пятом этаже «Тиба-Хилтона» казалась огромной. Восемь на десять метров, и это еще половина номера. Из белой кофеварки фирмы «Браун» шел пар, она стояла на столике возле раздвижной стеклянной двери, выходившей на узкий балкон.

– Влей-ка в себя малость кофе. Тебе совсем не помешает.

Девушка сняла черную куртку, игольник болтался у нее под мышкой на черных нейлоновых ремнях. Кроме того, на ней был серый жилет с металлическими зигзагами на плечах. «Пуленепробиваемый», – решил Кейс, наливая кофе в ярко-красную кружку. Ноги его и руки были как деревянные.

– Кейс.

Кейс поднял голову. Этого человека он видел впервые.

– Меня зовут Армитидж.

Под темным распахнутым халатом виднелась мускулистая, совершенно безволосая грудь и плоский крепкий живот. Очень светлые, почти водянистые голубые глаза наводили на мысль об искусственном обесцвечивании.

– Солнце встало, Кейс. Солнце твоего счастливого дня.

Кейс бросил руку в сторону, но мужчина легко отклонился от обжигающе горячей струи. По светлым, под рисовую бумагу обоям растеклось коричневое пятно. На левой моч-

ке мужчины висел золотой многоугольник. Спецназ. Армитидж улыбнулся.

– Налей кофе и пей, – равнодушно бросила Молли. – Бояться тебе нечего, но ты не выйдешь отсюда, пока Армитидж с тобой не поговорит.

Девушка села по-турецки на атласный пуфик и стала не глядя разбирать свой игольник. Кейс вернулся к столу и снова налил кофе; два зеркала следили за каждым его шагом.

– Ты слишком молод, чтобы помнить войну, верно? – Армитидж провел громадной ладонью по коричневому ежику на голове, на запястье тускло блеснул золотой браслет. – Ленинград. Киев. Сибирь. Именно там, в Сибири, мы предрешили твою судьбу, Кейс.

– И как это следует понимать?

– «Разящий кулак», Кейс. Слышал когда-нибудь?

– Какая-то диверсионная операция, так, что ли? Пытались сжечь коммуникационные системы русских вирусными программами? Да, слышал. Никто не вернулся живым.

В комнате повисла напряженная тишина. Армитидж подошел к окну и стал смотреть на Токийский залив.

– Не совсем так. Одна группа сумела-таки вернуться в Хельсинки.

Кейс молча пожал плечами и отхлебнул кофе.

– Ты ведь компьютерный ковбой. Так вот, прототипы программ, которыми ты взламываешь промышленные банки данных, были разработаны для операции «Разящий кулак».

Для нападения на компьютерный центр в Киренске. Каждая группа состояла из сверхлегкого мотodelьтаплана «Ночное крыло» с пилотом и матричной деки с жокеем. Мы пользовались вирусом «Крот». Эта серия стала первым поколением действительно мощных программ вторжения.

– Ледоколы, – кивнул Кейс, не отводя от губ красную кружку.

– Да. Система защиты компьютерных банков данных – «лед», система вторжения – «ледокол».⁴

– Вы, мистер, ошиблись адресом или, лучше сказать, опоздали. Я больше не жокей. Так что нам остается только попрощаться и...

– Я был там, Кейс. Там, где изобрели тебя и тебе подобных.

– Ни хрена тебе, мужик, не обломится – ни с меня, ни с подобных мне. Ну водятся у тебя крутые башли. Ну нанял ты эту ой как дорогую девку с бритвами. Ну взяла она меня за жопу и приволокла сюда, ну и что? Где сядешь, там и слезешь. Не буду я больше работать на деке, никогда. Ни для тебя, ни для кого другого. – Кейс подошел к окну и посмотрел вниз. – Вон где я теперь живу.

– Судя по психопрофилю, ты намеренно пытаешься спровоцировать улицу, чтобы она тебя убила – в тот момент, когда ты этого никак не ждешь.

⁴ Intrusion Countermeasures Electronics, сокращенно «ICE», что по-английски означает «лед».

– Психопрофиль?

– Мы создали подробную модель. Раздобыли маршруты твоих поездок под каждым из псевдонимов и обработали полученную информацию с помощью некой военной программы. Ты склонен к суициду, Кейс. Модель оставляет тебе всего месяц жизни. Да к тому же наш медицинский анализ говорит, что уже в этом году тебе понадобится новая поджелудочная железа.

– Мы... – Кейс посмотрел в выцветшие голубые глаза. – Кто это – мы?

– А что бы ты сказал, узнав, что мы можем починить твою нервную систему?

Теперь Армитидж казался глыбой металла – громоздкой, чудовищно тяжелой. Статуя. Кейс понял, что это только сон и он сейчас проснется. Армитидж больше не заговорит. Сны всегда заканчивались стоп-кадром, вот и этот сейчас кончится. Тем же.

– Ну, так что ты на это скажешь?

Кейс перевел взгляд на залив и зябко поежился:

– А то и скажу: не засирай мне мозги.

Армитидж невозмутимо кивнул.

– А затем спрошу: на каких условиях?

– Примерно на тех же, на каких ты работал раньше.

– Дай человеку прийти в себя, Армитидж, – подала голос Молли; детали игольника лежали перед ней наподобие хитроумной головоломки. – Он же на куски разваливается.

– Точные условия, – упрямо мотнул головой Кейс, – и сейчас. Прямо сейчас.

Его била дрожь. И он не мог эту дрожь унять.

* * *

Безымянная клиника в дорогом районе: новехонькие, блистающие чистотой павильоны, разделенные аккуратными, ухоженными садами. Кейс помнил это место – одно из тех, куда он обращался в первый месяц своего пребывания в Тибете.

– Ты напуган, Кейс. Напуган так, что поджилки дрожат.

Воскресным полднем он стоял вместе с Молли во внутреннем дворике. Белые валуны, островок зеленого бамбука, черная галька, выложенная пологими волнами. Робот-садовник, похожий на большого механического краба, подстригает бамбук.

– Все будет хорошо, Кейс. У Армитиджа огромные возможности. Он расплатится с этими нерводерами той самой программой, которая объяснит им, как тебя лечить. С этой программой они обойдут всех своих конкурентов года на три. Ты представляешь себе, сколько это стоит?

Она сунула большие пальцы за ремень кожаных джинсов и качнулась на лакированных каблуках своих вишнево-красных ковбойских сапог. Узкие носы окантовывало блестящее мексиканское серебро. Непроницаемые, отливающие ртуть-

ным блеском линзы казались глазами какого-то фантастического насекомого.

– Ты ведь уличный самурай, – сказал Кейс. – Как давно ты на него работаешь?

– Пару месяцев.

– А до этого?

– Работала на другого. Вот такая я работающая девушка.

Он кивнул.

– Забавно, Кейс.

– Что забавно?

– Я же с тобой, считай, знакома. Этот профиль, о котором он говорил. Я знаю, что у тебя внутри.

– Ничего ты, сестренка, не знаешь.

– Ты же в полном порядке. То, что с тобой случилось, – просто nepruxa.

– Ну а как Армитидж? Он как, в полном порядке?

Лавируя среди волн черной гальки, к ним приближался робот-краб. Его бронзовый панцирь казался древним, тысячелетним. В метре от сапог Молли робот выплеснул из себя луч света и на мгновение застыл, анализируя полученные данные.

– Знаешь, Кейс, я никогда не ищу на свою драгоценную задницу никаких приключений.

Краб повернул в сторону, но Молли ловко ударила его ногой; окантованный серебром носок сапога лязгнул по бронзовому панцирю. Механизм упал на спину, задержал бронзо-

выми лапами и быстро перевернулся обратно.

Кейс сел на валун и стал водить носком ботинка по гальке, разрушая идеальную симметрию черных волн. Порылся по карманам в поисках сигарет.

– В рубашке, – подсказала девушка.

– Ты не ответила на мой вопрос.

Кейс выудил из пачки мятую «ехэюанину», и девушка щелкнула тонкой стальной зажигалкой немецкого производства, блестящей, как хирургический инструмент.

– Ладно, скажу. Этому мужику подвернулось что-то серьезное. У него большие деньги, которых не было раньше, и он все время получает еще и еще. – В уголках ее губ явно чувствовалось напряжение. – А может быть, наоборот, это он кому-то удачно подвернулся... – Она пожала плечами.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не знаю. Я знаю только то, что не знаю, на кого мы работаем.

Кейс посмотрел ей в глаза – в два круглых серебряных зеркала. В субботу утром он вернулся из «Хилтона» в «Дешевый отель» и проспал десять часов. Затем он долго без всякой цели гулял вдоль портовой ограды, глядя, как кружатся чайки. Если она и следила за ним, то делала это очень незаметно. Он не пошел в Ночной Город, а вернулся в гроб и стал ждать звонка от Армитиджа. И вот теперь, в воскресный полдень, он находится в тихом дворике, а рядом с ним – эта девушка с телом гимнастки и руками фокусника.

– Если угодно, сэр, анестезиолог ждет вас.

Санитар поклонился и, не дожидаясь Кейса, направился обратно в клинику.

* * *

Пахло холодным металлом. Лед приятно охлаждал позвоночник.

Кейс, такой маленький, затерялся в огромной тьме, руки окоченели, тело осталось где-то далеко внизу, а сам он летит по коридорам телевизионного неба.

Голоса.

И вдруг черный огонь нащупал нервные сплетения. Боль, превосходящая все, что называют этим словом...

* * *

Лежи спокойно, не дергайся.

Рац и Линда Ли, Уэйдж и Лонни Зоун, моряки, жулики, шлюхи – сотни лиц среди неоновых джунглей под ядовито-серебристым небом – все где-то там, за тюремной оградой, за стенами черепной коробки...

Какого хрена, ты будешь наконец лежать спокойно?!

Небо, бывшее прежде рябью статических помех, поблекло и превратились в бесцветье матрицы, а потом перед глазами

замелькали сюрикэны, его путеводные звездочки.

– Прекрати, Кейс, мне нужно попасть тебе в вену!

Она склонилась над ним с голубым пластмассовым шприцем в руке.

– Если не будешь лежать спокойно, я проткну твоё долбаное горло. В тебе ещё полно ингибиторов эндорфина.

* * *

Кейс проснулся в полной темноте и обнаружил, что девушка лежит рядом.

Шея казалась хрупкой, сплетенной из тонких хворостин. В самой середине позвоночника пульсировала боль. Перед глазами проносились смутные образы: то мерцающие коллажи из небоскребов и дырявых фуллеровских куполов⁵ Муравейника, то в тени каких-то мостов на него надвигались мрачные фигуры...

– Проснулся? Сегодня среда, Кейс.

Девушка села и, перегнувшись через него, начала что-то искать. Обнаженная грудь задела руку. Кейс услышал, как она открыла банку и стала пить.

⁵ По имени американского архитектора и дизайнера Бакминстера Фуллера (1895–1983), пропагандировавшего строительство так называемых геодезических куполов – сетчатой оболочки из прямых стержней, обладающей минимальной массой при большом внутреннем объеме, причем чем больше купол, тем выше его несущая способность, поскольку нагрузка распределяется на большее количество элементов конструкции.

– На. – (Банка очутилась у него в руке.) – Я вижу в темноте, Кейс. У меня в глазах миниатюрные фотоумножители.

– Спина болит.

– Это там, где брали спинномозговую жидкость. Тебе поменяли и ее, и всю кровь. Это из-за того, что у тебя теперь новая поджелудочная. Еще тебе вшили новый кусок печени. Что делали с нервами, мне не известно. Знаю только, было множество инъекций. И там обошлось без вскрытия. – Девушка опять легла. – Сейчас ночь, Кейс, два часа сорок три минуты двенадцать секунд. У меня часы выведены прямо на зрительный нерв.

Кейс с трудом сел и попытался попить из банки. Поперхнулся, закашлялся, тепловатая вода полилась на грудь и бедра.

– Мне нужна дека. – Кейс почти не поверил, что это его собственные слова. Он стал нащупывать одежду. – Я должен знать...

Молли засмеялась. Маленькие сильные руки обхватили его за плечи:

– Очень сожалею, торопыга. Но тебе придется подождать восемь дней. Твои нервы выскочат наружу, если ты подключишься с ходу. Доктора велели тебе отдыхать. Они считают, что все прошло удачно. Через день-два пойдем на консультацию.

Кейс лег на спину.

– Где мы?

– Дома. В «Дешевом отеле».

– А где Армитидж?

– В «Хилтоне», продает бусы туземцам или что-то в этом роде. Мы скоро уезжаем отсюда. Амстердам, Париж, а потом домой, в Муравейник. – Молли тронула его за плечо. – Ну-ка, перевернись. Я сделаю тебе массаж.

Кейс лег на живот и вытянул вперед руки, пальцы коснулись стенки гроба. Девушка встала над ним на колени, кожаные джинсы холодили ему поясницу. Ее пальцы погладили шею.

– А почему ты здесь, а не в «Хилтоне»?

Вместо ответа, она отвела руку назад и стала легкими круговыми движениями поглаживать ему мошонку. Так продолжалось около минуты, и все это время другая рука продолжала растирать ему шею. Кожаные джинсы негромко поскрипывали в такт ее движениям. Чувствуя, как член твердеет и начинает упираться в поролон, Кейс немного повернулся.

Боль в голове пульсировала по-прежнему, но шея не была уже такой хрупкой. Кейс приподнялся на локте и перевернулся, затем притянул девушку к себе, стал ласкать языком груди, твердые влажные соски касались его щек. Он нащупал молнию на кожаных джинсах и потянул вниз.

– Я сама, – сказала она, – я же все вижу.

В темноте послышался шорох кожи. Лежа рядом, девушка брыкнулась раз-другой, пока не избавилась от джинсов. Она перебросила через него ногу, и он коснулся в темноте

ее лица. Почувствовал неожиданную твердость имплантированных линз.

– Не трогай, – остановила она, – будут следы от пальцев.

Затем она снова встала над ним на колени, взяла его ладонь и положила ее на себя – большой палец вдоль щели между ягодицами, а остальными накрыла влагалище. Когда она начала опускаться, перед его глазами снова пронеслись пульсирующие образы: какие-то лица, мигающие фрагменты неоновых реклам. Затем она опустилась совсем, и его спина судорожно выгнулась. Она стала двигаться вверх-вниз, все быстрее и быстрее, пока они оба не слились в едином оргазме и ее мокрые, скользкие бедра изо всех сил не сдавили его ноги, и тогда перед его взором вспыхнула слепящая голубизна и время остановилось, как в безграничных просторах матрицы, где образы рвутся в клочья и уносятся ураганом вдаль.

* * *

На Нинсэй все так же танцевала толпа – только чуть менее плотная, как это и бывает в будни. Из аркад и салонов для игры в патинко выплескивались волны шума. Кейс заглянул в «Тац» и, как обычно, среди теплого, наполненного пивными парами полумрака увидел Зоуна, который присматривал за своими девочками. У стойки хлопотал Рац.

– Уэйджа не видел, Рац?

– Сегодня еще нет.

Увидев Молли, бармен демонстративно поднял бровь.
– Если увидишь, то передай, что я хочу отдать долг.
– Что, перемены к лучшему, артист?
– Рано еще говорить.

* * *

– Понимаешь, мне нужно его увидеть. – Кейс смотрел на свое отражение в зеркалах Молли. – Я должен выйти из этого бизнеса.

– Армитиджу очень не понравится, если я отпущу тебя одного. – Молли стояла, подбоченясь, прямо под «тающими часами» Дина.

– При тебе он не станет со мной разговаривать. Насчет Дина я не беспокоюсь, он сам о себе позаботится. Но есть люди, которые от меня зависят, они разорятся, если я так вот просто возьму и уеду из Тибы, не покончив с делами. Они мои партнеры, понимаешь?

Губы Молли твердо сжались. Она помотала головой.

– У меня партнеры в Сингапуре, Токио, Синдзюку и Асакудзе, они же крупно погорят, как ты не можешь понять? – соврал он, положив руку на затянутое в черную кожу плечо. – Пять. Пять минут. Время засечешь по своим часам, хорошо?

– Мне платят, и я должна выполнять инструкции.

– Ну да, тебе платят, и ты выполняешь инструкции. И тебе начхать, что в результате несколько моих лучших друзей

сторят, а может, и вообще сдохнут.

– Хрень собачья. Друзья у него, видите ли, выискались. Ты просто хочешь, чтобы этот старый прохиндей нас проверил.

Безо всякого уважения к пыльному кофейному столику от Кандинского, Молли водрузила на него ковбойский сапог.

– Послушай, Кейс, это что же такое получается? Твоя напарница вооружена, не говоря уж обо всем этом кремнии в ее голове. В чем, собственно, дело? – Покашливание Дина словно повисло посреди комнаты.

– Подожди, Жюли. Я зайду к тебе один.

– А как же еще, сынок? Ничего другого я и не позволю.

– Ну ладно, – сдалась наконец Молли. – Но только пять минут. Малейшая задержка, и я войду и успокою твоего дружка навсегда. И пока ты будешь с ним, постарайся кое-что понять.

– Что именно?

– Подумай, почему я делаю тебе такую поблажку.

Она круто повернулась и пошла к выходу мимо белых тюков сушеного имбиря.

– Ну и знакомые же у тебя, Кейс, – заметил Дин. – Даже страньше, чем обычно.

– Все, Жюли, она ушла. Теперь-то ты меняпустишь? Ну пожалуйста, Жюли.

Щелкнули магнитные засовы.

– Включил бы ты, Жюли, системы и все эти штуки, которые у тебя в столе, – сказал Кейс, садясь.

– Я их никогда не выключаю, – чуть улыбнулся Дин, выживая среди разбросанных по столу деталей пишущей машинки револьвер и аккуратно наводя его на Кейса.

«Магнум» с обрезанным по самый барабан стволом, предохранительная скоба вокруг спуска тоже спилена, а рукоятка обмотана грязным скотчем. Оружие совершенно бесполезное на расстоянии свыше десяти метров, да и то целиться нужно в живот. Но уж если попасть в этот самый живот... В розовых наманикюренных руках Дина типичный гангстерский ствол выглядел по меньшей мере странно.

– Пойми, это только предосторожность, – пояснил Дин. – Ничего личного. Ну а теперь говори, что тебе нужно.

– Дай мне урок истории, Жюли. А также сведения об одном человеке.

– А кому это нужно, сынок? – На Дине была веселенькая рубашка в белую и красную полоску с накрахмаленным, будто фарфоровым, воротничком.

– Мне, Жюли. Я уезжаю. Считаю, что уже уехал. Сделай мне одолжение, ладно?

– Кто тебя интересуется?

– Один гайдзин, Армитидж, остановился в «Хилтоне».

– Сиди спокойно, Кейс. – Дин положил оружие на стол и быстро нажал несколько клавиш на клавиатуре портативного компьютера. – Похоже, мои информаторы знают не больше твоего. Этот Армитидж вроде бы заключил временное соглашение с якудза, а Сыны Неоновой Хризантемы хорошо

прикрывают своих союзников от таких, как я. На их месте я поступал бы точно так же. Ну а теперь об истории. Ты просил об уроке истории. – Он снова взял в руки револьвер, но не стал целиться в Кейса. – Какой именно истории?

– Война. Ты ведь был на войне, Жюли?

– Война? А что там интересного? Она продолжалась три недели.

– «Разящий кулак».

– О, это знаменитая операция. Неужели в школах не учат больше историю? Это был огромный грязный послевоенный политический футбол. Типичный уотергейт, от начала и до конца. Ваши начальнички, а в том числе, Кейс, и ваши муравьиные начальнички, – где они были? В бункерах, все до единого... позорище. Извели уйму молодого, патриотически настроенного пушечного мяса только для того, чтобы опробовать какую-то там новую технологию. Как выяснилось позднее, генералы отлично знали о возможностях обороны русских. Знали и об эм-и – магнитно-импульсном оружии. И все-таки послали ребят: очень уж им хотелось посмотреть, что из этого получится. – Дин пожал плечами. – Устроили для Иванов аттракцион по стендовой стрельбе.

– Уцелевшие были?

– Думаешь, я помню, через столько-то лет?.. Хотя, кажется, кто-то вернулся. Один экипаж. Захватили советскую вертушку. Ну, боевой вертолет. Долетели до Финляндии. Они, конечно, не знали опознавательных кодов, а потому переби-

ли по ходу дела уйму финских вояк. Спецназовцы. – Дин с отвращением фыркнул. – Одним словом, кровь мешками и полный бардак.

Кейс понимающе кивнул. Запах сушеного имбиря едва не валил с ног.

– Я провел войну в Лиссабоне, – продолжал Дин, опуская револьвер на стол. – Хорошее это место, Лиссабон.

– Ты был в армии, Жюли?

– Вот еще. Но и у меня были сражения, да еще какие. – Розовое лицо расплылось в улыбке. – Просто удивительно, насколько война меняет рыночную ситуацию!

– Спасибо, Жюли. За мной должок.

– Не за что, Кейс. Счастливого пути.

* * *

Впоследствии Кейс будет не раз повторять себе, что вечер у «Сэмми» сразу начался как-то странно, что уже тогда, когда они с Молли только шли по коридору, пол которого устилало месиво из билетных корешков и пластмассовых стаканчиков, – уже тогда он это предчувствовал. Словно заранее знал, что Линду убьют...

После визита к Дину они с Молли пошли в «Намбан», где он встретил Уэйджа и вернул долг пачкой полученных у Армитиджа новых иен. Уэйдж обрадовался, его ребята обрадовались не очень, а Молли стояла рядом с Кейсом и опасно

улыбалась, явно мечтая, чтобы кто-нибудь сделал неверное движение. Затем они направились в «Тац» выпить.

– Бесполезно, ковбой, – сказала Молли, когда Кейс привычно вытащил из кармана восьмиугольник.

– Как это? А ты не хочешь? – Он протянул ей таблетку.

– Ты забыл о своей новой поджелудочной и о новых тканях в печени. Армитидж специально поставил их, чтобы избавить тебя от этого дерьма. – Девушка тронула таблетку бордовым ногтем. – Ты теперь биохимически невосприимчив ни к амфетаминам, ни к кокаину.

– Вот же мать твою, – оторопел Кейс. Он с сомнением посмотрел на таблетку, а затем на девушку.

– А ты попробуй. Съешь хоть дюжину. Ничего не почувствуешь.

Кейс так и сделал. И ничего не почувствовал.

После трех кружек пива Молли расспросила у Раца, где можно посмотреть бои.

– У «Сэмми», – коротко ответил тот.

– Это не для меня, – сказал Кейс, – я слышал, они там друг друга даже убивают.

Спустя час Молли купила билеты у тощего тайца в белой футболке и мешковатых спортивных трусах.

«Сэмми» находился недалеко от порта, за оптовым магазином, надувной серый купол с тонкой стальной сетью несущих тросов. Входом служил примитивный шлюз-коридор, с дверями в обоих торцах, чтобы сохранить избыточное давле-

ние, которое поддерживало купол. Помещение освещалось флюоресцентными кольцами, привинченными к фанерному потолку на равных промежутках, правда, большинство из них было разбито. В затхлом воздухе висела густая вонь пота и сырого бетона.

Кейс совершенно не ожидал, что за таким убожеством последуют ярко освещенная арена, многочисленная толпа зрителей, напряженная тишина и огромные, словно сотканые из воздуха, светящиеся фигуры под куполом. Ровные ряды широких бетонных ступеней возвышались над круглым помостом, окруженным тускло поблескивающими зарослями проекционного оборудования. Весь зал окутывал полумрак, только исполинские голограммы высоко под куполом, мерцая и переливаясь, повторяли каждое движение двух мужчин, напряженно кружащих по арене. Повсюду над зрительными рядами поднимались плоские облака сигаретного дыма, они медленно дрейфовали, пока не попадали в потоки воздуха от компрессоров, нагнетавших воздух под купол. В зале не раздавалось ни звука, только приглушенное урчание компрессоров да многократно усиленное дыхание бойцов.

Мужчины кружили по арене и отражались цветными бликами в «глазах» Молли. Голограммы увеличивали изображение в десять раз, и ножи в руках огромных призраков были почти метровой длины. Кейс вспомнил, что бойцовый нож держат как рапиру: четыре пальца согнуты, большой по лезвию. Оружие словно двигалось само по себе, совершая

некую последовательность ритуальных движений, в ожидании, пока кто-нибудь из соперников не допустит ошибку. Задрав голову, Молли следила за перипетиями поединка, ее лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

– Пойду принесу чего-нибудь перекусить, – сказал Кейс, она молча кивнула, замороженная танцем смерти.

Кейсу здесь не нравилось.

Он встал и пошел по темному проходу. Слишком уж тут темно. И слишком тихо.

В зале сидели по большей части японцы. Они не были жителями Ночного Города. Техи из промзоны. Вероятно, посещение данного зрелища одобрил совет по культуре и отдыху какой-нибудь корпорации. Кейс на мгновение представил, что значит проработать всю жизнь в одном дзайбацу. Жилье компании, гимн компании, похороны, организованные компанией.

Кейс почти обогнул зал, прежде чем нашел лотки с едой. Он купил якитори на палочках и две высокие вощенные коробки пива. Вверху под куполом грудь одного из голографических гладиаторов окрасилась кровью. Кейс не замечал, как густой коричневый соус стекает с палочек ему на пальцы.

Еще семь дней, и он подключится к деке. Если сию секунду закрыть глаза, можно увидеть матрицу.

Тени в зале плясали в такт движениям голограмм.

И вдруг совершенно неожиданно затылком Кейс почувствовал какой-то безотчетный страх. Холодный пот тонкой

струйкой побежал по ребрам. Операция прошла неудачно. Ведь он все еще здесь, всего лишь жалкий кусок мяса, и нет никакой Молли, замороженно глядящей на замысловатые траектории сверкающих ножей; нет в «Хилтоне» никакого Армитиджа с деньгами, новым паспортом и билетами. Все это лишь сон, жалкая фантазия. Слезы застлали ему глаза.

Из яремной вены одного из призраков брызнула ярко-алая кровь. Толпа взревела, зрители вскакивали, орали, размахивали руками... А высоко вверху одна из фигур рухнула навзничь, замерцала и погасла.

В горле застыл сырой рвотный ком. Кейс закрыл глаза, сделал глубокий вздох, снова открыл и вдруг увидел, как мимо идет Линда Ли, в ее серых глазах застыл ужас. На ней был все тот же французский комбинезон.

Ее поглотила глубокая тень.

Как-то машинально он бросил цыплят и пиво и помчался за девушкой. Потом он не мог вспомнить – кричал ли он ей вслед, окликал ли ее по имени.

Откуда-то сбоку и сзади – тончайший луч красного света, вспыхнул и погас. Под тонкими подошвами – грубый, неровный бетон.

Белые кроссовки мелькали где-то впереди, у самой стены зала, и снова резанул по глазам тонкий красный луч.

Кто-то подставил ему ножку. Бетон обжигающе разодрал ладони.

Кейс перекатился, ударил ногой, но не попал. Над ним склонился худощавый блондин с патлатой башкой, окруженной радужным нимбом падающего сзади света. Высоко над сценой голографическая фигура повернулась, воздев нож над головой, к неистовствующей толпе. Белобрысый парень ухмыльнулся и вытащил из рукава какой-то предмет. И когда в третий раз блеснул луч лазера, в красном свете мелькнула бритва. Бритва замерла, прицеливаясь к его горлу.

Вдруг лицо нападающего распалось в жужжащее облачко микроскопических взрывов. Игольник Молли, двадцать выстрелов в секунду. Парень издал короткий судорожный хрип и рухнул Кейсу на ноги.

Кейс встал и медленно побрел в сторону лотков, в тень. Ожидая увидеть рубиновую точку лазерного прицела, он взглянул себе на грудь. Ничего. И тут же нашел Линду. Она лежала с закрытыми глазами у основания бетонной колонны. Пахло паленым мясом... Толпа скандировала имя победителя. Торговец пивом протирал свои краны темной тряпкой... Одна белая кроссовка, каким-то образом слетевшая с ноги, почему-то лежала рядом с головой...

Идти вдоль стены. Вдоль бетонного изгиба. Руки в карманы. Ни в коем случае нельзя останавливаться. Идти не останавливаясь. Мимо невидящих лиц – все глаза устремлены вверх, на бестелесного победителя. Вспыхнула спичка, осветив лицо европейца, губы сжимают короткий металлический чубук. Запах гашиша. Кейс прошел мимо.

– Кейс... – Из самой глубокой тени блеснули два зеркала. – Ты в порядке?

За ее спиной в темноте что-то хлюпало и булькало.

Он помотал головой.

– Бой закончился, Кейс. Пора домой.

Кейс попытался пройти мимо нее в густую темноту, где кто-то умирал. Молли удержала его рукой:

– Это приятели твоего близкого друга. Они убили твою девушку. В этом городе тебе как-то не везет с друзьями. Мы, когда исследовали тебя, составили частичный профиль этого старого ублюдка. Он за пару нью-иен маму родную пришьет и даже не поморщится. Тот, который валяется там, сказал, что она пыталась продать им файлы из твоего компьютера. Только они решили, что лучше просто убить ее и забрать товар даром. Небольшая, а все-таки экономия. Это рассказал мне тот – с лазером. На тебя они наткнулись совершенно случайно, но мне нужно было проверить. – Губы Молли сжались в тонкую линию.

Кейсу казалось, что в его голове трещат, все заглушая, какие-то помехи.

– Кто, – спросил он, – кто их послал?

Молли протянула ему окровавленный пакет сушеного имбиря. Ее руки тоже были в крови. А в густом полумраке кто-то еще раз булькнул и затих.

* * *

После того как Кейс прошел в клинике заключительный осмотр, они с Молли направились в порт. Армитидж уже ждал. Он зафрахтовал судно на воздушной подушке. Кейс бросил на Тибу последний взгляд и увидел темные угловатые силуэты промзоны. А затем туман плотно окутал черную воду и дрейфующие косяки мусора.

Часть вторая

Поездка за покупками

3

Дома.

А дом – это Муравейник, Столичная Ось Бостон-Атланта, или, короче, СОБА.

Запрограммируйте карту скоростей обмена информации так, чтобы на очень большом экране каждому пикселю соответствовала тысяча мегабайт в секунду. Манхэттен и Атланта вспыхнут сплошным белым светом. Затем, когда скорость обмена перегрузит вашу модель, они начнут пульсировать. Ваша карта перегрелась и готова взорваться. Охладите ее. Возьмите масштаб побольше: миллион мегабайт на пиксель. При ста миллионах мегабайт в секунду вы начнете различать отдельные кварталы центральной части Манхэттена и существующие вот уже сто лет промышленные зоны, окружающие ядро старой Атланты.

* * *

Кейс проснулся; ему снились аэропорты, он шел за чер-

ной кожанкой Молли через бесконечные переходы Нариты, Схипхола, Орли... И как в каком-то киоске за час до рассвета он купил плоскую пластмассовую бутылку датской водки.

Где-то глубоко в железобетонных корнях Муравейника поезд гнал по туннелю столб застоявшегося воздуха. Состав двигался на магнитной подушке, бесшумно, но сам туннель под действием сжатого воздуха гудел низким, почти инфразвуковым басом. Вибрация достигла комнаты, где лежал Кейс; из трещин разошедшегося паркета взвилась пыль.

Он открыл глаза и увидел нагую Молли; их разделял необъятный – не дотянуться рукой – простор новехонького ядовито-розового темперлона. Сверху через зарешеченное, покрытое копотью слуховое окошко просачивался солнечный свет. Часть слухового окошка была заколочена куском ДСП, сквозь него, почти касаясь пола, свисал толстый серый кабель. Лежа на боку, Кейс смотрел, как дышит Молли, смотрел на грудь, на изгиб бедер, очерченных с функциональным изяществом под стать фюзеляжу военного самолета. И все тело было худощавым, стройным, мускулистым, как у танцовщицы.

Комната была большая. Кейс сел. За исключением огромного розового ложа и двух новых, совершенно одинаковых нейлоновых сумок, здесь не было ровно ничего. Голые стены, никаких окон, кроме слухового в потолке, стальная дверь, выкрашенная белой краской. Стены покрыты бесчисленными слоями белой эмали. Рабочий район. Кейс и рань-

ше знал такие здания и такие комнаты, обычно их обитатели зарабатывали себе на хлеб в «интерзоне» – некой сумрачной, слабо определенной области, где мастерство еще не совсем переходит грань преступления, а преступление не совсем дотягивает до мастерства.

Он был дома.

Кейс опустил ноги на пол. Многие паркетины свободно шатались, а некоторые и вовсе отсутствовали. Голова раскалывалась от боли. Кейс вспомнил комнату, в которой они жили в центре Амстердама, в Старом Городе, где возраст зданий исчисляется столетиями. Вспомнил, как Молли вернулась с набережной канала, принесла апельсиновый сок и яйца. Армитидж отсутствовал по каким-то своим тайным делам, и они с Молли отправились мимо площади Дамм в знакомый ей бар на улице Дамрак. Воспоминания о Париже сливались в какое-то мутное пятно. Да, магазины. Молли взяла его в поход по магазинам.

Кейс встал, натянул мятые черные джинсы, лежавшие в ногах, и опустился на колени возле сумок. Первая принадлежала Молли, в ней оказались аккуратно сложенная одежда и какие-то миниатюрные, дорогие с виду приспособления. Во второй лежали книги, кассеты, симстим-дека, одежда с французскими и итальянскими ярлыками; Кейс не мог вспомнить, когда он все это купил. Под зеленой футболкой Кейс нашел что-то небольшое, хитроумно укутанное в японскую оберточную бумагу.

Когда он взял пакет, бумага порвалась, и в щель между паркетинами воткнулась блестящая девятиконечная звезда.

— Сувенир, — сказала Молли. — Я заметила, что ты всегда на них смотришь.

Кейс обернулся и увидел, что она сидит на кровати, скрестив ноги, сонно потягивается, поскребывает живот бордовыми ногтями.

* * *

— Тут придут ставить охранную сигнализацию, — сказал Армитидж.

Он стоял на пороге со старомодным магнитным ключом в руке. Молли варила кофе на крохотной немецкой плитке, которую достала из своей сумки.

— Я и сама могу, — откликнулась она. — У меня все для этого есть. Инфрасканирующий периметр, сирены...

— Нет, — перебил ее Армитидж и закрыл дверь. — Я хочу, чтобы понадежнее.

— Была бы честь предложена.

На Молли была темная сетчатая футболка, заправленная в черные мешковатые хлопчатобумажные брюки.

— Вы служили когда-нибудь в полиции, мистер Армитидж? — спросил Кейс; он сидел на полу, прислонившись к стене.

Армитидж был одного с ним роста, но имел военную вы-

правку и такие широченные плечи, что казался не уже той двери, через которую вошел. На нем был темный итальянский костюм, в правой руке – небольшой чемоданчик из мягкой телячьей кожи. Спецназовская серьга исчезла. Аккуратные, но невыразительные черты – стандартная красота дешевых косметических салонов, иными словами – некая амальгама лиц, чаще всего мелькавших на телевизионных экранах в прошедшем десятилетии. Холодный блеск бесцветных глаз только усиливал ощущение лица-маски. Кейс начал сожалеть о своем вопросе.

– Я хотел сказать, многие бывшие спецназовцы подались в копы. Или в охрану, – добавил Кейс, чувствуя себя крайне неудобно; Молли протянула ему кружку дымящегося кофе. – Просто вот это, с моей поджелудочной, сильно смахивает на полицейские штучки.

Армитидж закрыл дверь, пересек комнату и остановился напротив Кейса:

– Тебе крупно повезло, Кейс. Ты должен сказать мне спасибо.

– А за что? – Кейс шумно подул на кофе.

– Ты нуждался в новой поджелудочной. И мы достали тебе такую, которая освободила тебя от опасной зависимости.

– Благодарю, но мне нравилась такая зависимость.

– Вот и хорошо, потому что теперь у тебя появилась новая.

– Это как? – Кейс перевел глаза с кофе на Армитиджа. Тот улыбался:

– В стенки нескольких главных артерий тебе заложили пятнадцать капсул с ядом. Их оболочки растворяются. Медленно, но верно. В каждой капсуле содержится некий микотоксин. Ты уже знаком с его действием. Именно эту отраву вкололи тебе в Мемфисе.

На Кейса смотрела ухмыляющаяся маска. Кейс недоуменно сморгнул.

– У тебя есть время, чтобы выполнить мое задание, но и только. Выполнишь задание, и я введу тебе фермент, который отслоит капсулы, не разрушая их оболочек. Потом тебе сделают переливание крови. В противном случае капсулы растворятся и ты вернешься в то же самое дерьмо, из которого я тебя вытащил. Так что, Кейс, мы тебе нужны... Сейчас ты зависишь от нас не меньше, чем когда мы выгребли тебя из сточной канавы.

Кейс вопросительно посмотрел на Молли. Она пожала плечами.

– А теперь иди к грузовому лифту и принеси коробки, которые там лежат. – Армитидж вручил Кейсу магнитный ключ. – Действуй. Они тебе понравятся, Кейс. Как подарки на Рождество.

* * *

Летом в Муравейнике праздные толпы шумят и колышутся как трава на ветру – поля человеческой плоти, пронизы-

ваемые неожиданными вихрями желаний и счастья.

В тусклом солнечном свете Кейс сидел рядом с Молли на краю сухой бетонной чаши неработающего фонтана; бесконечный поток проплывающих мимо лиц напоминал ему этапы собственной жизни. Сначала прошел малолетка с козырьком над глазами – обыкновенный уличный мальчишка с ослабленными, но всегда готовыми к действию руками, затем подросток с лицом симпатичным и загадочным под красными стеклами очков. Кейс вспомнил, как в семнадцать лет он молча и ожесточенно дрался на крыше среди нежного розового сияния геодезических куполов, озаренных первыми лучами солнца.

Он чуть поерзал: через тонкую ткань брюк отчетливо ощущался холодный шершавый бетон. Ничего похожего на электрический танец улицы Нинсэй. Здесь, среди запахов гамбургеров, духов и молодых загорелых тел, заключались другие сделки, жизнь текла в другом ритме.

А там, на чердаке, его ждала дека – «Оно-Сэндай-Киберспейс-7». Пол усеивали куски белого упаковочного пенопласта, мятые обрывки клеящей ленты и сотни крошечных пенопластовых бусин. «Оно-Сэндай», а также самый дорогой в будущем году компьютер фирмы «Хосака», монитор «Сони», дюжина дисков со льдом корпоративной выделки и кофеварка «Браун». Как только Кейс одобрил каждую из покупок, Армитидж сразу же ушел.

– Где он остановился? – спросил Кейс у Молли.

– Он любит отели. Большие. По возможности вблизи аэропорта. Слушай, давай пройдемся.

Молли надела старый, с распродажи военных излишков, бронежилет с дюжиной странной формы карманов и огромные темные очки, полностью скрывавшие зеркальные линзы.

– Ты знала раньше про эту хрень с токсином? – спросил Кейс; она помотала головой. – Думаешь, это правда?

– Может, да, а может, нет. Так или иначе, он взял тебя за жабры.

– А нельзя ли как-нибудь проверить?

– Нет, – ответила девушка и одновременно правой рукой сотворила знак «Молчи!». – Изменение слишком тонкое, чтобы выявиться при сканировании. – И снова ее рука сделала знак «Подожди!». – Да и какая тебе разница? Видела я, как ты оглаживал свой «сэндай», это же чистая порнография. – Она расхохоталась.

– А что он всадил в тебя? Что заставляет пахать на него работающую девушку?

– Только профессиональная гордость, малыш. – И снова она призвала его к тишине знаком. – Слушай, давай позавтракаем. Яичница, натуральный бекон. Отравишься, наверное, ведь ты так долго питался в Тибете лишь переработанным крилем. Давай сядем в «трубу», поедem на Манхэттен и устроим себе настоящий завтрак.

Потухшая, вся в пыли неоновая вывеска, большие, согнутые из стеклянных трубок буквы: «Метро гологрэфикс». Кейс ковырял в зубах, пытаясь выудить застрявшие кусочки бекона. Он бросил бесполезные попытки узнать, куда и зачем они идут, так как на все вопросы получал только толчки под ребра и молчаливые призывы к тишине. Молли болтала о модах сезона, о спорте, о каком-то политическом скандале в Калифорнии.

Кейс смотрел на безлюдный глухой тупик. По перекрестку катился мятый газетный лист. Густо натыканные купола что-то такое делают с конвекцией, и в Ист-Сайде всегда дуют странные ветры. Кейс посмотрел сквозь окно на безжизненную вывеску. Ее Муравейник – совсем не его Муравейник, решил он. Молли провела его через дюжину баров и клубов, о которых он никогда не слыхивал, и везде какие-то дела, чаще ограничивающиеся многозначительными кивками. Поддержание связей.

В тени за «Метро гологрэфикс» что-то двигалось.

Дверь представляла собой лист ржавой жести. Молли молча изобразила рукой запутанную последовательность знаков, которую он почти не понял. Уловил только потирание большого и указательного пальца, означавшее «наличные». Толкнув дверь, она ввела его в какое-то пыльное по-

мещение. Они стояли в просвете среди плотных куч всякого хлама, которые тянулись до самых стен, увешанных полками с ветхими книжками в мягких обложках. Казалось, что хлам этот прямо здесь и вырос, такая себе плесень из металла и пластмассы. Кейс начинал было различать отдельные предметы: внутренности телевизора, столь древнего, что из него торчали пеньки разбитых радиоламп; мятую тарелку спутниковой антенны; коричневую текстолитовую коробку с кусками каких-то ржавых трубок, – но затем все снова слилось в единую массу. Когда Кейс следовал за Молли по узкому каньону среди прессованного мусора, огромная кипа старых журналов вдруг осыпалась на свободный пяточок и загорелая плоть давно минувших лет вперила незрячие взоры в потолок. За спиною защелкнулась дверь. Кейс не обернулся.

В конце пути поперек туннеля висело ветхое армейское одеяло; когда Молли под него поднырнула, в глаза ударил поток яркого света.

Одеяло закрывало вход в помещение кубической формы со стенами и потолком, обитыми белым пластиком, пол был покрыт опять же белым кафелем с шершавыми – чтобы не скользила нога – пупырышками. В центре комнаты стоял выкрашенный белой краской квадратный деревянный стол и четыре белых складных стула.

В дверях появился какой-то новый персонаж: одеяло спало с его плеч на манер мантии, он стоял и щурился на свет. Можно было подумать, что этого человека сконструировали

специально для жизни в аэродинамической трубе. Очень маленькие уши плотно прижимались к узкому черепу, а большие передние зубы, показавшиеся, когда его лицо изобразило нечто отдаленно напоминавшее улыбку, косо отклонялись внутрь. Он был одет в ветхую твидовую куртку и держал в левой руке некоторое подобие револьвера. Мужчина всмотрелся в посетителей и спрятал револьвер в карман. Жестом указал Кейсу на белую, в сантиметр толщиной пластиковую плиту, прислоненную к стене возле входа. Кейс подошел и увидел, что плита сплошь состоит из каких-то электронных схем. Вдвоем с мужчиной они установили ее в дверном проеме.

Желтые от никотина пальцы быстро заклеили панель белым скотчем. Негромко заурчала вентиляция.

– Время, – сказал, выпрямляя спину, мужчина, – отсчет пошел. Ты знаешь тариф, Молл.

– Финн, нам нужно сканирование. На предмет имплантатов.

– Так, встань-ка туда, между пилонами. Наступи на ленту. Распрямись, так. Повернись кругом, выдай-ка мне полные триста шестьдесят.

Кейс смотрел, как девушка вращается между хрупкими, густо утыканными датчиками стойками. Мужчина вытащил из кармана небольшой монитор и начал его изучать:

– Ага, кое-что новенькое в твоей головке. Кремний... Оболочка из пиролитического углерода... Часики, угадал?

Очки те же – низкотемпературный изотропный углерод. Конечно, биосовместимость с пиролитами лучше, но дело твое. То же и с когтями.

– Теперь ты, Кейс. – На белом полу виднелся черный полустертый крест. – Повернись кругом. Медленно...

– Парень девственно чист. – Мужчина пожал плечами. – Дешевенькие зубные протезы – и все.

– А биопробу ты сделал? – Молли расстегнула молнию на зеленом жилете и сняла очки.

– Нахальная ты все-таки девица. С такими запросами шла бы ты в клинику братьев Майо. «Ложись, малыш, на операционный стол, мы сделаем тебе небольшую биопсийку». – Он засмеялся, оскалив желтые зубы. – Ничего нет. Слово Финна, красавчик, у тебя нет ни жучков, ни мозговых бомбочек. Хотите, я сниму защиту?

– Только для того, чтобы ты вышел, Финн. А потом нам нужна полная защита на все время, пока мы здесь находимся.

– Что ж, Финна это устраивает, Молл. Ты ведь платишь по счетчику.

Они запечатали за Финном дверь, Молли развернула белый стул, села на него верхом и положила подбородок на скрещенные руки.

– А теперь поговорим. Это самое надежное место из тех, что мне по карману.

– О чем?

– О том, чем мы занимаемся.

– А чем мы занимаемся?

– Работаем на Армитиджа.

– Ты говоришь по его поручению?

– Нет. Я видела твой профиль. И однажды посмотрела список остальных наших покупок. Ты когда-нибудь работал с покойниками?

– Никогда. – Кейс посмотрел на свое отражение в зеркалах девушки. – Но думаю, смог бы. Я – вполне приличный оператор. – Последняя фраза, произнесенная в настоящем времени, заставила его поежиться.

– Ты знаешь, что Дикси Флэтлайн умер?

Кейс кивнул:

– Сердце не выдержало.

– Ты будешь работать с его конструктором. – Девушка улыбнулась. – Кажется, это он тебя учил, а? Он и Куайн. Кстати, Куайна я знаю. Тот еще говнюк.

– Значит, у кого-то есть копия с Маккоя Поли? У кого бы это? – Кейс сел и облокотился на стол. – Просто не верится. Ему бы не хватило терпения посидеть спокойно для такой процедуры.

– В «Сенснете» есть. А что до непоседливости, за столько бабла и я бы посидела.

– Куайн тоже умер?

– Если бы. Он в Европе. И нас не волнует.

– Ну что ж, если мы достанем Флэтлайна, то сможем жить

спокойно. Он был лучшим. Ты знаешь, что он трижды переживал мозговой коллапс?

Девушка кивнула.

– Энцефалограмма ровная, как по линейке, без малейшего трепыхания.⁶ Точно, он сам мне запись показывал: «Смотри, детка, я же былдох-х-хлый!»

– Слушай, Кейс, с тех пор как я работаю на Армитиджа, я все время пытаюсь разнюхать, кто стоит за ним. Но это не какое-то дзайбацу, не правительство и не филиал якудза. Армитиджем командуют. Скажем, кто-то приказывает ему вылететь в Тибу, найти еле живого наркомана и заплатить за его излечение программой. Господи, да если бы мы просто продали эту программу на рынке, то за вырученные деньги могли бы купить двадцать первоклассных ковбоев. Ты, конечно, хорош, но вряд ли настолько...

Она задумчиво почесала нос.

– Судя по всему, кто-то считает, что настолько, – пожал плечами Кейс. – Кто-то очень влиятельный.

– Ишь обиделся, – ухмыльнулась Молли. – Да, кстати, вот еще что. Мы сейчас организуем суровый, по полной программе рейд с единственной целью – спереть конструкт Флэтлайна. Библиотечный сейф, куда спрятала его «Сенснет», крепче жопы носорога. Так вот, Кейс, в том же сейфе они держат и все свои новые материалы, приготовленные для

⁶ Игра слов. «Flatline» дословно – «плоская линия». На жаргоне американских медиков этот же термин означает клиническую смерть.

осеннего сезона. Это такие деньги – охренеть можно. И вот нате вам – мы берем только Флэтлайна, а остальное не трогаем. Странно.

– Да здесь все странно. Ты странная, эта дыра странная... да, а кто этот странный крольчонок, который остался снаружи?

– Финн, мой старый знакомый. В основном он занимается скупкой краденого. Софтом. Обеспечение секретности – это так, мелкий побочный промысел. Я уговорила Армитиджа взять его к нам техником, поэтому помни: ты его никогда раньше не видел. Усек?

– А что Армитидж засунул в твои вены?

– Со мной все просто. – Девушка улыбнулась. – Хорошо, когда каждый занимается своим делом, верно? Ты сидишь за компьютером – я бью морды.

Кейс задумчиво посмотрел на Молли:

– А что ты знаешь про самого Армитиджа?

– Для начала – никто по имени Армитидж не принимал участия в «Разящем кулаке». Я проверила. Но это ерунда. Он не похож ни на одного из тех парней, которые уцелели. – Молли пожала плечами. – Ну и что? И это все, что я знаю. Но *ты*... – Она побарабанила пальцами по спинке стула. – Ты же ковбой, верно? Я хочу сказать – может, ты сам немного пошустришь? – Она улыбнулась.

– Да он же пришьет меня, и дело с концом.

– Может, пришьет. А может, и не пришьет. Сдается мне,

ты ему нужен, и здорово нужен. Кроме того, ты же у нас умица, верно? У тебя получится.

– А что еще в этом списке покупок?

– Игрушки. В основном для тебя. И один психопат по имени Питер Ривьера. Вот уж кто гаденыш так гаденыш.

– Где он?

– Не знаю. Но он точно больной. Я видела его профиль. – Молли состроила гримасу. – Ужас! – Она встала и по-кошачьи потянулась. – Ну что, заключаем союз? Работаем вместе? Как партнеры?

Кейс посмотрел на девушку:

– У меня есть выбор?

– Верно сечешь, ковбой, – засмеялась Молли.

* * *

– Своими корнями матрица уходит в примитивные игровые автоматы, – говорил диктор, – в ранние программы компьютерной графики и в эксперименты военных с черепными разъемами.

На экране монитора «Сони» двухмерная космическая война сменилась густыми зарослями математически генерируемых папоротников, демонстрирующих пространственные возможности логарифмических спиралей; далее следовала холодная синева армейской кинохроники: опутанные проводами лабораторные животные, армейские шлемы, со-

единенные с системами управления огнем танков и военных самолетов.

– Итак, киберпространство. Это консенсуальная галлюцинация, ежедневно переживаемая миллиардами легальных операторов по всему свету, школьниками, изучающими математические понятия... Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в общечеловеческую сеть. Невообразимая сложность. Световые лучи в псевдопространстве мозга, кластеры и созвездия данных. Подобно городским огням, отступающим...

– Что это было? – спросила Молли, когда Кейс включил селектор каналов.

– Детская программа.

Селектор перебирал канал за каналом, на экране мелькали бессвязные обрывки передач.

– Выключить! – скомандовал Кейс «Хосаке».

– Ты хочешь попробовать прямо сейчас?

Среда. Восемь дней назад он проснулся в «Дешевом отеле» рядом с Молли.

– Хочешь, я уйду, Кейс? Может, тебе легче одному...

– Да нет. Оставайся, мне все равно, – покачал головой Кейс.

Осторожно, чтобы не сдвинуть плоские дерматроды «Оно-Сэндай», Кейс натянул на голову черный махровый хайратник и на мгновение задумался; вместо пристроенной на колени деки перед его глазами возникла витрина на улице

Нинсэй, хромированные сюрикэны, тускло поблескивающие в неоновом свете. Кейс поднял голову: над монитором висел подарок Молли, приколотый к стене желтой кнопкой прямо сквозь центральное отверстие.

Он закрыл глаза.

Нащупал ребристую клавишу питания.

В темно-кровавом сумраке закрытых глаз, где-то на краю пространства, забурлили серебристые фосфены, мимо понеслись гипнотические образы, похожие на фильм, смонтированный из случайных кадров. Числа, символы, лица – туманная мандала из фрагментов зрительной информации.

Ну же, умолял он, сейчас...

Серый, как небо над Тибой, диск.

Пора.

Диск завертелся все быстрее и быстрее, превратился в светло-серую сферу. Сфера начала раздуваться...

И потекла, расцветая переливающимся неоном. Фантастическими фигурами оригами развернулся его не знающий расстояний дом, его страна – прозрачная, объемная, в бесконечность уходящая шахматная доска. Перед внутренним взором возникли изумрудные кубы «Мицубиси», «Банк оф Америка», за ними – алая ступенчатая пирамида Ядерной комиссии Восточного побережья и, наконец, высоко-высоко – едва различимые, вечно недостижимые спиральные рукава военных систем.

А где-то там, на выкрашенном белой краской чердаке, си-

дел он, и смеялся, и нежно ласкал деку далекими пальцами, и слезы облегчения текли по лицу.

* * *

Когда Кейс снял дерматроды, Молли уже ушла, а чердак погрузился во тьму. Сколько же это времени? Он провел в киберпространстве целых пять часов. Кейс перенес «Оно-Сэндай» на один из новеньких верстаков, а затем рухнул на постель и накрылся с головой черным шелковым спальным мешком Молли.

Неожиданно дважды прожужжал зуммер охранной системы.

– Запрашивается вход, – произнес металлический голос. – Субъект идентифицирован согласно программе...

– Так впусти его.

Кейс откинул с лица черный шелк и сел, ожидая увидеть Молли или Армитиджа.

– О господи, – произнес чей-то хриплый голос, – я же знаю, что эта сука видит в темноте...

Некая приземистая личность вошла в комнату и закрыла за собой дверь:

– Слушай, давай включим свет, а?

Кейс вылез из постели и нащупал старомодный выключатель.

– Меня зовут Финн, – сказал вошедший, делая предосте-

регающую гримасу.

– Кейс.

– Ну что ж, бум знакомы. Я вроде как делаю для твоего начальничка всякие там железяки.

Финн вытащил пачку «Партагас» и закурил. Комнату наполнил запах кубинского табака. Финн подошел к верстаку и посмотрел на «Оно-Сэндай»:

– Ширпотреб. Ничего, дело поправимое. Но главное – вот эта штука.

Финн стряхнул пепел на пол, вытащил из кармана плотный, очень грязный конверт, открыл его и вытряхнул на ладонь черную прямоугольную пластинку.

– Проклятые заводские прототипы, – проворчал он и бросил предмет на стол. – Их заливают поликарбоном, да так, что и лазером не вскрыешь, не спалив схему. Самоуничтожение от рентгеновских лучей, от ультразвука и еще бог знает от чего. Справимся, конечно, но ведь что они, суки, делают?

Финн аккуратно сложил конверт и спрятал его в карман.

– Что это?

– В общем-то, переключатель. Если вставить его в твой «Сэндай», ты сможешь включаться в симстим, прямой или в записи, не выходя из матрицы.

– А зачем?

– Сие для меня тайна. Могу лишь сказать, что я приладил к Молл передатчик, так что ты, вероятно, будешь принимать именно ее сенсориум. – Финн поскреб подбородок. – Так что

теперь ты совершенно точно узнаешь, жмут ей портки или нет.

4

С дерматродами на лбу Кейс сидел на чердаке и смотрел, как танцуют пылинки в жидком солнечном свете, пробивающемся сквозь решетку окна. В углу монитора шел обратный отсчет.

«Ковбои не включаются в симстим, – думал он, – потому что это игрушка для плоти». Он, конечно, понимал, что его дерматроды и маленькая пластмассовая тиара симстима, считай, одно и то же; что киберпространственная матрица фактически является грубым подобием человеческого сенсориума – по крайней мере, в смысле отображения, однако симстим казался ему не более чем излишним расширением плотских ощущений. Коммерческие записи, естественно, редактировались, так что если у Тэлли Ишем во время съемки вдруг возникала головная боль, то вы ее не чувствовали.

На экране мелькнуло предупреждение о двухсекундной готовности.

Новый переключатель соединялся с «Оно-Сэндай» тонким световодом.

И раз, и два, и...

Сразу со всех сторон на него надвинулось киберпространство. «Довольно гладко, – подумал Кейс, – хотя и недоста-

точно. Нужно будет поработать...»

Он щелкнул новым переключателем.

Резкий бросок в другое тело. Матрица исчезла, вокруг волны звука и цвета... Молли шла по заполненной людьми улице мимо киосков, торгующих уцененным софтом: цены написаны фломастерами на листах белого пластика, из бесчисленных громкоговорителей несутся обрывки музыки. Запахи мочи, свободных мономеров, духов, жареного крыля. Несколько секунд ошеломленный Кейс пытался управлять телом девушки. Но затем принудил себя к пассивности, стал пассажиром, глядящим на мир ее глазами.

Зеркала ничуть не ослабляли солнечный свет. «Это что, – подумал Кейс, – автоматическая компенсация встроенными усилителями?» В левом глазу, в нижней части периферического поля зрения, голубые мигающие цифры показывали время. Пустое пижонство.

Язык ее тела обескураживал, а уж манера двигаться... Все время казалось, что Молли вот-вот с кем-нибудь столкнется, но люди исчезали с ее пути, отступали в сторону.

– Как жизнь, Кейс?

Он услышал слова и одновременно почувствовал, как Молли их выговаривает. Она сунула руку под курточку и стала поглаживать сосок сквозь теплый шелк. Кейс чуть не задохнулся. Молли засмеялась. Однако связь была односторонней. Ответить он не мог.

Через два квартала Молли вышла на окраину Мемо-

ри-лейн. Кейс все время пытался повернуть ее глаза на ориентиры, по которым он сам смог бы запомнить дорогу. Пассивность начала его раздражать.

Кейс щелкнул переключателем и вернулся в киберпространство. Он помчался вдоль примитивного защитного льда Нью-Йоркской публичной библиотеки, по привычке отмечая потенциальные окна. Затем – снова в сенсориум Молли, в мир острых и сильных ощущений, волнообразного движения мускулов.

Мысли Кейса переключились на самую Молли. Что он знает о ней? Что она тоже профессионал, что ее, как и его, существование неотделимо от работы. И еще он знал, как она придвинулась к нему утром, когда проснулась, как они оба застонали, когда он в нее вошел, и что потом она захотела кофе без сливок...

Целью ее путешествия оказался один из сомнительных комплексов по прокату программ, которых много на Мемори-лейн. Вокруг царили тишина и спокойствие. Центральный зал опоясывали киоски. Клиентура совсем молодая, от двадцати лет и младше. Насколько можно понять, за каждым левым ухом – углеродный разъем, но на такие мелочи Молли не обращала внимания. Под прозрачными пузырями витрин на белых картонках демонстрировались сотни чипов всевозможных цветов и конфигураций. Молли направилась к седьмому киоску вдоль южной стены. Бритоголовый продавец безучастно глядел в пространство, его заушный разъем

ем щетинился десятком микросхем.

– Ларри, ты как, в себе?

Молли встала прямо перед его носом. Глаза парня сфокусировались. Он выпрямился и грязным ногтем выковырял из разъема ярко-алую занозу.

– Привет, Ларри.

– А, Молли, – кивнул продавец.

– У меня есть работенка кое для кого из твоих друзей.

Парень вынул из кармана красной спортивной рубашки плоскую пластмассовую коробочку, щелкнул крышкой и добавил свою микросхему к дюжине уже лежавших там. Затем после недолгого колебания выбрал блестящий черный чип, чуть подлиннее остальных, и уверенным движением вставил в свободное гнездо. Глаза его сузились.

– У тебя «наездник», Молли, – сказал он. – Ларри это не нравится.

– Надо же, – улыбнулась Молли, – я и не знала, что ты теперь такой... чувствительный. Нет слов. Дорогое ведь удовольствие.

– Разве я с вами знаком, леди? – Глаза парня вновь опусти. – Вы ищете какую-нибудь программу?

– Мне нужны Дикие.

– Ты пришла не одна, Молли. Мне об этом говорит она. – Он постучал по черной микросхеме-«занозе». – Кто-то еще смотрит твоими глазами.

– Это мой партнер.

– Скажи своему партнеру, пусть проваливает.

– У меня есть кое-что для Диких Котов.

– Не понимаю, о чем это вы, леди?

– Кейс, давай отключайся, – сказала Молли; он щелкнул переключателем и снова очутился в матрице. В звенящей тишине киберпространства на несколько секунд повис быстро блекнущий образ торгового комплекса.

– Дикие Коты, – скомандовал Кейс «Хосаке» и снял с головы дерматроды. – Составь обзор минут на пять.

– Готово, – ответил компьютер.

О них Кейс раньше не слышал. Какая-то новая банда; возникла, пока он был в Тибете. Среди молодежи Муравейника увлечения распространялись со скоростью света, целая субкультура могла возникнуть буквально за ночь, просуществовать пару месяцев и сгинуть без следа.

– Давай, – приказал Кейс.

«Хосака» уже просмотрела всю информацию, полученную из библиотек, журналов, от информационных служб.

Обзор начался с цветного стоп-кадра, который Кейс вначале принял за коллаж: будто вырезанное по контуру изображение мальчишеского лица наклеили на фотографию испещренной каракулями стены. Монгольский разрез темных глаз, судя по всему – приобретенный искусственно, в результате хирургической операции, на бледных щеках – обильная россыпь угрей. Затем мальчишка стал двигаться со зловещей грацией мима, который изображает крадущегося в джунглях

хищника. Тело почти сливалось со стеной, так как по обтягивающему комбинезону струились цветные пятна и линии, почти в точности повторяющие стену, на фоне которой шел мальчик. Мимикрирующий поликарбон.

На экране возникла голова доктора социологии из Нью-Йоркского университета Вирджинии Рамбали; ее имя, специальность и название учебного заведения были написаны в нижней части экрана мигающими розовыми буквами.

– Принимая во внимание их склонность к беспричинным актам чудовищного насилия, – произнес голос за кадром, – нашим зрителям трудно понять, почему вы настаиваете, что данное явление не является разновидностью терроризма.

Доктор Рамбали снисходительно улыбнулась:

– Всегда есть предел, за которым террорист теряет возможность манипулировать медийным гештальтом. Точка, за которой любая дальнейшая эскалация насилия не меняет медийного гештальта, а сам террорист служит лишь его симптомом. Терроризм, в обычном понимании, неразрывно связан с его медийным образом. Дикие Коты отличаются от обычных террористов степенью самосознания, а также пониманием того, до какой степени СМИ отделяют акт насилия от его изначальных социополитических целей...

– Скипни⁷ это, – сказал Кейс.

⁷ Жаргон хакеров. Английское слово «skip» означает «пропустить, стереть».

Через два дня Кейс встретился с первым в своей жизни Котом. Дикие Коты очень напоминали Великих Ученых времен его собственной молодости. В Муравейнике существовала некая нематериальная юношеская ДНК, которая несла в себе коды различных молодежных увлечений и через произвольные, непредсказуемые промежутки времени воспроизводила их. По сути своей Дикие Коты были компьютеризированным вариантом Великих Ученых. Существовай в те далекие времена соответствующая технология, Ученые вживили бы себе в головы разъемы и стали бы запихивать в них чипы. Важен общий стиль, а стиль остался примерно тем же. Коты были наемниками, нигилистически настроенными технофетишистами и очень любили делать окружающим гадости.

Тот, который появился в дверном проеме чердака с коробкой дискет от Финна, обладал нежным голосом и звался Анжело. Лицо его представляло собой гладкую отвратительную маску, искусственно выращенную из коллагена и полисахаридов (вот на что идут акульки хрящи). Кейс никогда не встречал более отвратного образчика косметической хирургии. И когда Анжело улыбнулся, оскалив острые как бритва клыки крупного хищника, Кейс даже почувствовал некоторое облегчение. Это были зубные трансплантаты. Такое он уже видал.

– А с этими малолетними засранцами надо бы покруче, – заметила Молли.

Кейс, полностью поглощенный структурой сенснетовского льда, согласно кивнул.

То самое оно. То самое, чем он был, кем он был, вся его сущность. Он забыл о еде. Молли оставляла картонки с рисом и пластиковые подносы с суси на краю длинного стола. Иногда ему даже не хотелось выпускать из рук деку, чтобы воспользоваться химическим туалетом, поставленным в углу. Структуры льда на экране формировались и переформировывались, а он искал в них бреши, обходил самые очевидные ловушки и вычерчивал маршрут, по которому отправится в систему «Сенснета». У них был хороший лед. Великолепный. Эти структуры пылали в его мозгу, пока он лежал в обнимку с Молли и смотрел сквозь стальную решетку слухового окошка на алый рассвет. Первое, что видел Кейс, проснувшись, – это лед, радужные лабиринты его пикселей. Зачастую он направлялся к деке, даже не одевшись, и сразу включался. Он раскалывал лед. Он работал. Он потерял счет дням.

Но иногда перед сном, особенно когда Молли уходила во главе группы Котов на разведку, наплывали образы Тибы. Неон, Нинсэй и лица. Однажды ему приснилась Линда Ли, и затем он долго не мог понять, кто она такая и что она для него значила. А когда вспомнил, то подключился к матрице и проработал девять часов.

На взламывание льда корпорации «Сенснет» ушло девять дней.

– Я просил за неделю. – Армитидж не мог скрыть удовлетворения, когда Кейс продемонстрировал ему план рейда. – Что-то ты не очень торопился.

– Шелуха, – ухмыльнулся Кейс. – Я сделал хорошую работу.

– Конечно, – признал Армитидж. – Только ты не очень-то ликуй. По сравнению с тем, что ты будешь делать потом, – это детские игрушки.

* * *

– Ну ты даешь. Молоток, Мама Кошка, – прошептал связник Диких Котов. Голос, звучавший в наушниках Кейса, едва пробивался сквозь треск помех.

– Атланта, Стая. Вроде пора. Пора, ясно? – Голос Молли был слышен чуть лучше.

– Слушаю и повинуюсь.

Коты установили в Нью-Джерси самодельную спутниковую антенну, чтобы отражать кодированные сообщения связника от спутника «Сыны Иисуса Христа Царя Мира», висевшего над Манхэттеном на геостационарной орбите. Они решили провести всю операцию как сложный розыгрыш и выбрали именно этот спутник совсем не случайно. Молли вела передачу при помощи метровой тарелки, приклеенной

эпоксидкой на крыше банковского небоскреба, почти такого же высокого, как здание «Сенснета».

Атланта. Использовался крайне простой опознавательный код. От Атланты к Бостону, затем к Цинциннати и Денверу, по пять минут на каждый город. Если бы кому-нибудь вдруг удалось перехватить сигнал, расшифровать его и синтезировать голос Молли, то код позволил бы Котам сразу распознать подделку. Ну а если Молли проведет в здании больше двадцати минут, крайне сомнительно, что она вообще оттуда выйдет.

Кейс проглотил остатки кофе, укрепил дерматроды, задрал черную футболку и почесал грудь. Он весьма туманно представлял себе, что придумали Коты, чтобы отвлечь внимание охраны. У него было свое дело: следить за тем, чтобы программа, которую он написал, оказалась в системе «Сенснета» в тот момент, когда это понадобится Молли. Он смотрел на обратный отсчет времени в углу экрана. Два. Один.

Кейс вошел в матрицу и активировал программу. Он начал погружаться в сияющие слои сенснетовского льда, и связник прошептал единственное слово:

– Пошел.

«Ага, прекрасно. А как там Молли?» Кейс включил систем и очутился в ее сенсориуме.

Скремблер слегка размывал картинку. Девушка стояла в широком светлом коридоре перед большим, во всю сте-

ну, зеркалом, жевала резинку и любовалась собственным отражением. Если бы не огромные солнцезащитные очки, скрывавшие ее зеркала, она выглядела бы довольно заурядно – очередная туристочка, мечтающая хоть одним глазком взглянуть на Тэлли Ишем. На Молли были розовый пластиковый плащ, белая в сеточку футболка и свободные белые брюки – последний писк прошлогодней токийской моды. Она беззаботно улыбнулась и выдула резиновый пузырь. Кейс чуть не расхохотался. Он отчетливо ощущал радиопередатчик, симстим и скремблер, примотанные к телу девушки широкой эластичной лентой. Ларингофон выглядел как обезболивающий дермадиск. Ее руки в карманах розового плаща постоянно сжимались и разжимались, чтобы снять напряжение. Только через несколько секунд Кейс догадался, что особые ощущения в кончиках пальцев вызывались лезвиями, которые то слегка выдвигались, то задвигались обратно.

Он вернулся в киберпространство. Программа преодолела пятые ворота. Он смотрел, как перед ним чуть прерывисто двигался ледокол, и, почти не ощущая играющих на деке пальцев, вносил последние поправки. Полупрозрачные цветные плоскости перетасовывались, как карты в руках фокусника.

«Выберите любую карту», – вспомнил Кейс.

Ворота остались позади. Кейс засмеялся. Система «Сенснет» восприняла его рейд как обычную пересылку дан-

ных из своего филиала в Лос-Анджелесе. Он проник внутрь. Позади него отпочковались вирусные программы, которые изменили входной код ворот и приготовились отклонить настоящую передачу данных из Лос-Анджелеса, буде таковая последует.

Кейс снова подключился к Молли. Девушка неторопливо проходила мимо огромной круглой стойки администратора в дальнем конце коридора.

Встроенные в зрительный нерв часы показывали 12:01:20.

* * *

Команду «Пошел» связник в Джерси выдал ровно в полночь по Моллиным часам. Девять Котов, разбросанные по двум сотням миль Муравейника, одновременно набрали в телефонах-автоматах аварийный номер. Каждый прочитал короткий, заранее составленный текст, повесил трубку, сдернул с рук хирургические перчатки и растворился в ночи. Девять различных полицейских управлений и служб общественной безопасности получили сигналы о том, что неизвестная группировка воинствующих христиан-фундаменталистов взяла на себя ответственность за впрыскивание большого количества психоактивного вещества «Синий-9» в вентиляционную систему пирамиды «Сенснета». Это вещество, известное в Калифорнии под названием «Тяжкий ангел», было способно вызвать острую паранойю и жажду убийства у

восьмидесяти пяти процентов людей, подвергшихся его воздействию.

* * *

Проследив, как программа преодолела ворота подсистемы, которая контролировала безопасность научной библиотеки «Сенснета», Кейс щелкнул симстим-переключателем... Она входила в лифт.

– Извините, вы сотрудница учреждения? – удивленно поднял брови охранник.

Молли выдула пузырек жевательной резинки.

– Нет, – ответила она, погружая костяшки правого кулака в солнечное сплетение мужчины; охранник согнулся пополам, судорожно хватаясь за подвешенный к брючному ремню сигнал, но Молли ударила еще раз, и его голова врезалась в стенку лифта.

Двигая челюстями чуть побыстрее, она нажала светящуюся кнопку «Закрывание дверей», а затем «Стоп». Вытащила из кармана плаща черную коробочку и вставила отвод от нее в замочную скважину щита сигнализации.

* * *

Дикие Коты выждали четыре минуты, пока не сработа-

ет первое сообщение, а потом вбросили очередную порцию тщательно продуманной дезинформации. На этот раз ее передали прямо по внутреннему телевидению здания «Сенснета».

С 12:04:03 все экраны компании мигали в течение восемнадцати секунд с частотой, вызывающей припадок у склонных к эпилепсии. Затем экраны заполнило нечто, лишь весьма приблизительно напоминавшее человеческое лицо. Жуткая маска, натянутая на асимметричные кости, напоминала непристойную меркаторову проекцию. Уродливо дергалась перекошенная нижняя челюсть, влажные синие губы то смыкались, то размыкались. Какой-то красноватый пучок узловатых корней, изображавший, вероятно, руку, потянулся к зрителям, задрожал и исчез. Потом с умопомрачительной быстротой замелькали кадры диверсии: схема водоснабжения здания, руки в резиновых перчатках возятся с какими-то колбами, что-то летит в темноту и слабо вспыхивает... Одновременно с изображением по звуковому каналу почти с удвоенной скоростью прокручивали месячной давности сообщение, в котором рассказывалось о возможном применении в военных целях вещества «Эйч-эс-Джи», влияющего на рост скелета. Сверхдозы «Эйч-эс-Джи» увеличивали скорость роста костных клеток в десять раз.

На 12:05:00 в зеркальных стенах консорциума «Сенснет» находилось свыше трех тысяч служащих. В пять минут полночи, когда после передачи, организованной Дикими Ко-

тами, экраны засветились ровным белым светом, пирамида «Сенснета» наполнилась воем.

Полдюжины тактических вездеходов нью-йоркской полиции, прекрасно понимавшей, чем грозит запуск «Синего-9» в вентиляционную систему здания, на воздушной подушке приближались к пирамиде «Сенснета». Они мигали всеми своими мигалками. С площадки на крыше Рикеровского центра поднялся вертолет сил быстрого реагирования СО-БА.

* * *

Кейс запустил вторую программу. Тщательно разработанный вирус атаковал структуру кодов, скрывающую пароли входа в подвальные лаборатории «Сенснета».

— Бостон, — донесся голос Молли, — я внизу.

Кейс перешел в симстим и очутился перед глухой стеной лифта. Молли расстегивала белые штаны. На ее лодыжке бугрился, сливаясь по цвету с кожей, объемистый сверток. Молли опустилась на колени, сорвала эластичную ленту и развернула комбинезон, точно такой же, как у Диких Котов; по мимикрирующему поликарбону заплясали бордовые молнии. Молли сняла розовый плащ, бросила его рядом с белыми штанами и начала натягивать комбинезон поверх белой футболки.

12:06:26.

Вирус прорубил лед командного файла библиотеки. Кейс вошел внутрь и очутился в бесконечном синем пространстве, среди цветных сфер, расположенных в узлах частой светло-голубой решетки. В псевдопространстве матрицы интерьер любого конструктора данных обладает бесконечной субъективной размерностью; присоединив свой «Сэндай» к детскому калькулятору, Кейс увидел бы безбрежные провалы небытия и развешенные кое-где считанные основные команды. Кейс стал набирать последовательность кодов, которую Финн купил у одного опустившегося сараримена с серьезными наркотическими проблемами. Он заскользил среди сфер, словно следуя по невидимой трассе.

Здесь. Вот оно.

Кейс вошел внутрь сферы, и его окружила холодная неоновая голубизна, похожая на замерзшее стекло; затем он запустил программу, которая внесла определенные изменения в пароли входа.

Теперь наружу. Так, двигаемся осторожно, вирус тщательно заделал окно.

Готово.

* * *

В коридоре здания «Сенснета», за низким прямоугольным цветником, сидели два Диких Кота; они снимали переполох на видеокамеру. Оба были в маскировочных костю-

мах-хамелеонах.

– Тактические силы уже набрызгивают пенные баррикады, – комментировал происходящее в ларингофон один из операторов. – А силы быстрого реагирования все еще пытаются посадить свой вертолет.

* * *

Кейс щелкнул симстим-переключателем и почувствовал страшную боль в сломанной кости.

Молли судорожно дышала, привалившись к глухой серой стене какого-то длинного коридора. Кейс немедленно вернулся в матрицу, и невыносимо жгучая боль в левом бедре тут же пропала.

– Алло, Стая, в чем там дело? – спросил он у связника.

– Не знаю, Взломщик. Мама не отвечает. Подожди.

Кейс зациклил программу. Между очертаниями ледокола и заделанным окном протянулась тончайшая ярко-красная нить. Ждать больше нельзя. Кейс глубоко вздохнул и включил симстим.

Пытаясь держаться за стену, Молли сделала шаг. Кейс застонал от боли. Вторым шагом она переступила через чью-то неестественно вывернутую руку. На рукаве форменного кителя – яркое пятно крови. Блеснула разбитая вдребезги стекловолоконная дубинка. Поле зрения сузилось, превратилось в узкий туннель. После третьего шага Кейс взвыл и

переключился в матрицу.

– Стая? Бостон, малыш... – Голос звенел от боли и напряжения. Молли закашлялась. – Небольшая трудность с туземцами. Один из них сломал мне ногу.

– Что нужно делать, Мама Кошка? – Голос связника почти терялся в помехах.

Кейс заставил себя включиться в сенсориум Молли. Перенеся весь свой вес на правую ногу, она опиралась на стену. Девушка порылась в нагрудном кармане, вытащила пластиковую упаковку с разноцветными дермадисками, выбрала три зеленых и сильно прижала их к левому запястью. Шесть тысяч микрограммов синтетического эндорфина обрушились на боль и разнесли ее вдребезги. Молли судорожно выгнулась, на ее бедра накатили волны тепла. Она вздохнула и медленно расслабилась:

– Все в порядке, Стая. Теперь нормально. Когда я выйду, мне потребуется медицинская помощь. Сообщите моим людям. Взломщик, я в двух минутах от цели. Ты продержишься?

– Передайте ей: я внутри и продержусь, – сказал Кейс.

Молли заковыляла по коридору. Один раз она оглянулась, и Кейс увидел на полу три изуродованных тела охранников «Сенснета». У одного из них вроде бы не было глаз.

– Полиция заблокировала первый этаж, Мама Кошка. Пенные заграждения. В холле становится довольно забавно.

– Здесь тоже не скучно, – ответила Молли, открывая

стальную двустворчатую дверь. – Я почти на месте, Взломщик.

Кейс переключился в матрицу и сорвал со лба дерматроды. С него капал пот. Он вытер полотенцем лоб, торопливо глотнул из велосипедной фляжки и посмотрел на карту библиотеки, горевшую на экране. Пульсирующий красный курсор прополз через дверь. До зеленой точки, обозначавшей конструкт Дикси Флэтлайна, остались какие-то миллиметры. Страшно подумать, во что превратится нога Молли в результате этой прогулки. После такой дозы эндорфина она смогла бы, пожалуй, идти даже на кровоточащих культяпках. Кейс подтянул нейлоновые ремни, крепившие его к стулу, и вернул контакты на место.

Это стало уже рутиной: троды, матрица, выход в симстим.

В научном архиве «Сенснета» хранились материальные носители, информацию нельзя было перекачать в компьютер, ее нужно было взять руками и унести. Молли ковыляла между рядами серых одинаковых шкафов.

– Стая, передай ей: пять вперед и десять налево, – сказал Кейс.

– Пять вперед и десять влево, Мама Кошка, – повторил связник.

Молли повернула налево. Насмерть перепуганная библиотечарша, с круглыми от ужаса глазами на посеревшем лице и мокрыми трясущимися щеками, вжалась в щель между шкафами. Молли даже не удостоила ее взглядом. Интересно,

каким образом Диким Котам удалось вызвать такую панику? Молли говорила о какой-то липовой угрозе, но Кейс был слишком занят исследованиями льда, чтобы вслушиваться в объяснения.

– Этот, – сказал Кейс, но Молли и сама уже остановилась перед нужным шкафом. Своими очертаниями тот напоминал новоацтекские книжные стеллажи в приемной Джулиуса Дина.

– Ну, Взломщик, давай, – сказала Молли.

Кейс переключился в киберпространство и послал по алой нити, пронизывавшей лед библиотеки, команду. Пять независимых охранных систем пребывали в полной уверенности, что они работают. Три хитрых замка деактивировались, но продолжали считать себя запертыми. А в основной базе данных библиотеки появилась запись, что конструкт был выдан месяц тому назад по вполне законному распоряжению. А если библиотекарь попытается выяснить, по чьему именно распоряжению был он выдан, то обнаружит, что нужный файл стерт.

Дверь шкафа бесшумно отворилась.

– Номер ноль сорок шесть семьдесят восемь тридцать девять.

Молли вынула из стойки предмет, напоминавший магазин тяжелой штурмовой винтовки. Его черная матовая поверхность была испещрена предупреждающими надписями и значками уровня секретности.

Молли закрыла дверь шкафа, и Кейс перешел в киберпространство.

Он вытянул алую линию изо льда, она рывком вернулась в программу, и тут же пошло самовосстановление системы. Ледокол начал пятиться наружу, собирая подпрограммы, оставленные возле каждого ворот, которые тут же за ним захлопывались.

– Все, Стая, – сказал Кейс и обмяк на стуле.

После рейда, после напряжения последнего получаса он мог оставаться в матрице и одновременно чувствовать свое тело. Пройдет, вероятно, много дней, прежде чем в «Сенснете» обнаружат пропажу конструкта. Ключом может послужить сбой при приеме информации из Лос-Анджелеса, слишком уж точно совпавший по времени с переполохом. Вряд ли трое охранников, с которыми Молли столкнулась в коридоре, выживут и смогут рассказать о случившемся. Кейс перешел в симстим.

Лифт, заблокированный черной коробочкой, оставался на прежнем месте. Охранник все так же лежал на полу. Кейс только сейчас увидел у него на шее дерм. Явно Молли поставила – чтобы не очнулся раньше времени. Она перешагнула через охранника, вытащила блокировку и нажала кнопку «Вестибюль».

Дверь с шипением открылась, и сразу же толпа, бушевавшая в холле, выбросила из себя женщину; женщина задом влетела в лифт, ударилась затылком о стену и осела. Не об-

ращая на нее внимания, Молли сняла с шеи охранника дерм. Затем вышвырнула из лифта белые брюки и розовый плащ, бросила сверху темные очки и натянула на лоб капюшон комбинезона. Конструкт тяжело оттягивал нагрудный карман. Молли вышла из лифта.

Кейс и раньше видел панику, но только не в замкнутом пространстве.

Служащие «Сенснета» выскакивали из лифтов и бросались к главному выходу, где их встречали пенные баррикады тактических сил и ружья (те самые, с «желейными» пулями, как у Раца), подразделения быстрого реагирования. Два ведомства, убежденные, что сдерживают орду потенциальных убийц, действовали на удивление слаженно. Баррикады перед разбитыми стальными дверями на улицу в три слоя были завалены человеческими телами. Звонкие хлопки ружей методично сопровождали реву толпы, метавшейся по мраморному полу. Кейс в жизни ничего подобного не видел.

Молли, по-видимому, тоже.

– Господи, – сказала она и на мгновение остановилась.

Истерические рыдания сотен людей сливались в булькающий вой дикого, безрассудного ужаса. Пол усеивали тела, одежда и длинные мятые рулоны желтых распечаток.

– Давай, сестренка, на выход.

Глаза двоих Котов смотрели на нее из круговерти оттенков, бушевавшей на поликарбоне: костюмы не поспевали за скоростью, с которой вокруг менялись цвета и формы.

– Тебе больно? Давай. Томми поведет тебя.

Томми передал говорившему видеокамеру, обернутую поликарбоном.

– Цинциннати, – сказала Молли, – я выхожу.

А затем она стала падать, но не на мраморный пол, скользкий от крови и блевотины, а в какой-то теплый, уютный колодец, в темноту и в тишину.

* * *

Вожак Диких Котов, который представился как Люпус Мудеркинд, носил поликарбонированный костюм с памятью, позволявшей воспроизводить по желанию любой фон. Он сидел, словно некая наисовременнейшая горгулья, на краю стола, глядя на Кейса и Армитиджа из-под надвинутого на глаза капюшона, и улыбался. Волосы у него были розовые. За левым ухом, по-кошачьи заостренным и покрытым розовой шерстью, щетинился радужный лес микрочипов. Что-то было сделано и с его глазами, они светились как у самого настоящего кота. Костюм его медленно менял текстуру и цвет.

– Ты выпустил ситуацию из-под контроля, – сказал Армитидж.

Он стоял посреди чердака, словно статуя, задрапированная в темные шелковистые складки дорогого плаща.

– Хаос, мистер Как-вас-там, – пожал плечами Люпус Мудеркинд. – Это наш стиль и образ жизни. Наш главный при-

кол. Ваша женщина знает об этом. Мы договаривались с ней. А не с вами, мистер Как-вас-там.

Костюм парня покрылся диким угловатым орнаментом, бежевым на светло-зеленом фоне.

– Она нуждалась в медицинской помощи. Теперь она у врачей. Мы постережем ее. Все в порядке.

Парень снова улыбнулся.

– Заплати ему, – сказал Кейс.

Армитидж сверкнул на него глазами:

– Мы не получили товар.

– Он у вашей женщины, – сказал Мудеркинд.

– Заплати ему.

Армитидж неохотно подошел к столу и вытащил из карманов плаща три толстые пачки новых иен.

– Хочешь пересчитать? – спросил он Мудеркинда.

– Нет, – ответил Дикий Кот. – Вы меня не кинете. Вы ведь мистер Как-вас-там. Вы заплатите, чтобы остаться мистером Как-вас-там. Чтобы не стать мистером Таким-то.

– Надеюсь, это не угроза, – сказал Армитидж.

– Это бизнес, – ответил Мудеркинд, засовывая деньги в нагрудный карман.

Зазвенел телефон. Кейс снял трубку.

– Молли, – сказал он, передавая трубку Армитиджу.

Когда Кейс покинул здание, геодезические купола Муравейника светились предрассветной серостью. Конечности замерзли и плохо слушались. Кейс не мог заснуть. Его вконец достал этот чердак. Сначала ушел Люпус, затем Армитидж, а Молли валялась в какой-то хирургической клинике. Где-то в глубине промчался поезд, и под ногами задрожала земля. В отдалении завывли сирены.

Ссутулив обтянутые новой кожаной курткой плечи, подняв воротник, Кейс брел наугад и бросал очередной окурочек только для того, чтобы зажечь новую сигарету. Он пытался представить себе, как стенки ядовитых капсул Армитиджа вот прямо сейчас растворяются, становятся с каждым шагом все тоньше. Картина казалась ирреальной. Такой же ирреальной, как ужас и страдание, которые он видел в вестибюле «Сенснета» глазами Молли. Кейс попытался вспомнить лица тех троих, которых убил в Тибете. Мужчины не вспоминались, а женщина была похожа на Линду Ли. Мимо протарахтел трехколесный грузовой мотороллер с зеркальными стеклами кабины, в кузове погромыхивали пустые пластиковые цилиндры.

– Кейс.

Он бросился в сторону и инстинктивно прижался спиной к стене.

– Хочу кое-что тебе передать.

Костюм Люпуса Мудеркинда переливался чистыми основными цветами.

– Пардон, не хотел тебя пугать.

Держа руки в карманах куртки, Кейс выпрямился во весь рост. Он оказался на голову выше Кота.

– Ты бы поаккуратнее, Мудеркинд.

– Всего одно слово. Уинтермьют.

– От тебя? – Кейс шагнул вперед.

– Да нет же, – возразил Мудеркинд. – Тебе.

– От кого?

– Уинтермьют, – повторил Дикий Кот и кивнул копной розовых волос.

Его костюм стал тускло-черным, угольная тень на обшарпанном бетоне. Он взмахнул черными худыми руками, словно исполняя па какого-то странного танца, и исчез. Нет. Еще стоит. Розовые волосы скрыты капюшоном, костюм стал серым и пятнистым, точно в тон тротуару. В глазах отражается красный огонь светофора. А затем он и вправду исчез.

Кейс прислонился к ободранной кирпичной стенке, закрыл глаза и помассировал веки окоченевшими пальцами.

На тротуарах Нинсэй все было гораздо проще.

5

Медицинская бригада, которая лечила Молли, занимала

два этажа неприметного кондоминиума в старом центре Балтимора. Здание состояло из модулей на манер увеличенной версии «Дешевого отеля», только с гробами по сорок метров в длину. Кейс встретил Молли на выходе из модуля, украшенного табличкой с затейливо выведенной надписью: «ДЖЕРАЛЬД ЦЗИНЬ. ДАНТИСТ». Девушка хромала.

– Он говорит, если я пну что-нибудь, нога отвалится.

– Я тут наткнулся на одного твоего дружка, – сказал Кейс. – На Кота.

– И кто же это был?

– Люпус Мудеркинд. Он принес мне записку.

Кейс передал Молли бумажную салфетку, на которой акkuratными заглавными буквами красным фломастером были выведено слово «УИНТЕРМЬЮТ».

– Он сказал...

Девушка сделала ему знак замолчать:

– Поедим лучше крабов.

* * *

После ланча, в процессе которого Молли препарировала краба с пугающей легкостью, они сели в «трубу» и поехали в Нью-Йорк. Кейс не задавал вопросов: какой смысл, если в ответ получаешь только знак замолчать. Похоже, у Молли серьезно побаливала нога, и она редко подавала голос.

Худенькая чернокожая девочка с туго вплетенными в во-

лосы деревянными бусами и старинными резисторами открыла дверь в убежище Финна и повела их по узкому проходу, петлявшему среди гор хлама. Кейсу показалось, что хлам вроде как вырос за время их отсутствия. Или, скорее, за прошедшее время он слегка изменился и преобразился, тихие невидимые хлопья сгущались и оседали, кристаллическая сущность заброшенной технологии, тайно процветающая на помойках Муравейника.

По ту сторону армейского одеяла за белым столом их ждал Финн.

Молли быстро зажестикულიровала, вытащила клочок бумаги, что-то на нем написала и протянула Финну. Тот взял его двумя пальцами вытянутой руки, держа подальше от себя, как будто что-то опасное, способное взорваться. Затем Финн сделал какой-то непонятный Кейсу жест, выражавший смесь нетерпения и мрачной покорности. Он встал из-за стола и стряхнул крошки с лацканов мягкого твидового пиджака.

На столе рядом с надорванной пластиковой пачкой галет и жестяной пепельницей, полной окурков «Партагаса», стояла банка с маринованной селедкой.

– Подождите, – бросил Финн и вышел из комнаты.

Молли села на его место, выпустила лезвие указательного пальца и подцепила сероватый пласт сельди. Кейс бесцельно бродил по комнате, трогая по пути смонтированные в стойках сканирующие приборы.

Через десять минут Финн стремительно вернулся и об-

нажил желтые зубы в широкой улыбке. Он кивнул, показал Молли большой палец и жестом попросил Кейса помочь ему с дверной панелью. Пока Кейс закреплял скотчем дверь, Финн вынул из кармана маленькую плоскую клавиатуру и набрал сложную последовательность символов.

– Дорогуша, – обратился он к Молли, убирая клавиатуру, – на этот раз тебе действительно повезло. Без балды, я это нюхом чую. Ты можешь мне сказать, откуда у тебя это?

– Мудеркинд, – тихо ответила Молли, отодвигая галеты и селедку. – Я заключила побочную сделку с Ларри.

– Здóрово, – восхитился Финн. – Ну так вот, это ИскИн.

– Нельзя ли чуть попонятнее, – проворчал Кейс.

– Берн, – сказал Финн, не обращая на него внимания. – Он находится в Берне. Получил ограниченное швейцарское гражданство согласно закону, аналогичному нашему акту от пятьдесят третьего года. Построен для «Тессье-Эшпул СА».⁸ Им принадлежит и железо, и исходное программное обеспечение.

– Что там такое в Берне? – Кейс встал прямо между ними.

– Уинтермьют – опознавательный код ИскИна. У меня есть номера Регистра Тьюринга. ИскИн – искусственный интеллект.

– Все это прекрасно, – вставила Молли, – но при чем тут

⁸ СА – сокращение от французского словосочетания «Сосьете Аноним». Означает то же самое, что и английское слово «Лимитед», то есть «Общество с ограниченной ответственностью».

мы?

– Если Мудеркинд не ошибается, – сказал Финн, – то за спиной Армитиджа стоит Уинтермьют.

– Коты занялись этим делом по моему поручению, – объяснила Молли недоумевающему Кейсу. – У них бывают самые странные и неожиданные источники информации. Договаривалась я через Ларри на четких условиях: плачу, если они узнают, кто стоит за Армитиджем.

– И ты думаешь, что за ним стоит этот самый ИскИн? Но ведь этим штукам не позволена никакая автономия. Тут уж скорее корпорация, о которой ты говорила. «Тессле...»

– «Тессье-Эшпул СА», – подсказал Финн. – Могу рассказать вам про них одну историю. Хотите послушать? – Он сел к столу и подался вперед.

– Финн, – заметила Молли, – обожает рассказывать истории.

– Эту я еще никому не рассказывал, – начал Финн.

* * *

Финн был барыгой, в основном по части краденых программ. Естественно, он иногда встречался с другими барыгами, часть которых занималась более традиционными товарами. Драгоценными металлами, марками, редкими монетами, самоцветами, ювелиркой, а также живописью и прочими произведениями искусства. История, рассказанная им, начи-

налась с человека по фамилии Смит.

Такой же барыга, Смит в более урожайные времена выступал торговцем предметами искусства. Первый знакомый Финна, «двинувшийся на кремнии» (выражение, на взгляд Кейса, несколько старомодное), он покупал микросхемы исключительно «по специальности» – искусствоведение и аукционные каталоги. Вставив в черепной разъем дюжину чипов, он приобретал необъятные, по меркам коллег, познания в области искусства и торговли оным. Однажды Смит пришел к Финну, можно сказать, за братской помощью, как бизнесмен к бизнесмену. Ему потребовалось навести справки о клане Тессье-Эшпул, но так, чтобы те никогда об этом не узнали. Финн ответил, что это вполне возможно, но потребовал разъяснений.

– Понимаешь, – пояснил он Кейсу, – дело определенно пахло деньгами.

Смит был крайне осторожен. Даже слишком.

Как выяснилось, Смита обслуживал поставщик по имени Джимми. Он занимался квартирными кражами и другими столь же благородными делами; он только что вернулся на Землю после года, проведенного на высокой орбите, и привез домой, на дно гравитационного колодца, некоторые любопытные вещицы. Наиболее необычным предметом из тех, что Джимми удалось раздобыть в своих гастролях по архипелагу, оказалась голова – платиновый бюст, покрытый перегородчатой эмалью и усыпанный мельчайшим жемчугом и

ляпис-лазурью. Смит печально вздохнул, убрал карманный микроскоп и посоветовал Джимми расплавить голову. Но-водел, коллекционной ценности не представляет. Джимми рассмеялся. «Это, – сказал он, – компьютерный терминал. Она умеет говорить. И не каким-нибудь там синтезированным голосом, а с помощью миниатюрных органнх труб, мехов, рычагов и прочих прибабасов». Трудно сказать, кому и зачем понадобилось делать такую изошренную игрушку. Даже извращенную – ведь чипы, синтезирующие голос, продаются на каждом углу, цена им пятак пучок. Типичный кунштюк. Смит подключил голову к своему компьютеру, и мелодичный нечеловеческий голос зачитал ему цифры прошлогодней декларации о доходах.

Среди клиентов Смита был токийский миллиардер, чья страсть к механическим игрушкам граничила с фетишизмом. Смит пожал плечами и развел руками в жесте, древнем, как ломбарды и лавки старьевщиков. Конечно, он постарается, но вряд ли за голову можно много выручить.

Когда Джимми оставил бюст и ушел, Смит начал его тщательно исследовать и нашел клейма мастеров. Оказалось, что голова – плод более чем неожиданного сотрудничества двух цюрихских ремесленников, парижского художника-эмальера, датского ювелира и калифорнийского разработчика микросхем. А изготовлена она по заказу «Тессье-Эшпул СА».

Смит стал осторожно намекать токийскому коллекционеру, что имеет нечто, заслуживающее внимания.

А затем к нему пришел некий не представившийся посетитель, который преодолел сложную систему безопасности с такой легкостью, словно ее и вовсе не существовало. Маленький, дико вежливый японец имел все признаки искусственно выращенного ниндзя-убийцы. Смит сидел за полированным столом из вьетнамского розового дерева и как замороженный глядел в спокойные карие глаза смерти. Мягко, почти извиняясь, клонированный убийца объяснил, что в его обязанности входит найти и вернуть некое произведение искусства, механизм исключительной красоты, который взяли из дома хозяина. До его сведения дошло, что Смит знает о местонахождении упомянутого предмета.

Смит объявил, что не хочет умирать, и выставил голову на стол. «А какую сумму вы ожидали выручить от продажи предмета?» – спросил посетитель. Смит назвал сумму на много ниже той, которую хотел запросить за голову. Ниндзя вынул кредитный чип и перевел эту сумму с номерного швейцарского счета на счет Смита. «А кто, – спросил японец, – принес вам эту вещь?» Смит ответил. Через несколько дней он узнал, что Джимми умер.

– Вот тут-то на сцену и вышел я, – продолжал Финн. – Смит знал, что я свой в тусовке с Мемори-лейн и что именно туда нужно идти, дабы, не поднимая лишнего шума, раздобыть о ком-нибудь сведения. Я нанял ковбоя. Как посредник, я получал определенный процент. Смит был предельно осторожен. Он вышел из крайне дикой и опасной опера-

ции с прибылью, однако в деле осталось много странного и непонятного. Кто заплатил ему из этой швейцарской заначки? Якудза? Позвольте не поверить. По части подобных ситуаций у них очень твердые правила, перекупщик должен отправиться туда же, куда и вор. Что-нибудь со спецслужбами? Смит так не думал. Спецслужбистские дела всегда имеют особый привкус, достаточно опытный человек распознает его без ошибки. Итак, мой ковбой рылся в старых архивах, пока не наткнулся на тяжбу с упоминанием Тессье-Эшпулов. Тяжба пустяковая, но мы получили наводку на юридическую фирму. Ковбой прорубился сквозь адвокатский лед, и мы узнали адрес семьи. Ну и хрен ли, спрашивается, толку?

Кейс удивленно поднял брови.

– Фрисайд, – сказал Финн. – Веретено. Как оказалось, они владеют почти всей этой штукой. Когда ковбой хорошенько прочесал архивы информационных служб и составил резюме, получилась крайне интересная картина. Семейная организация. С корпоративной структурой. Теоретически вы можете купить часть любого СА, но на деле ни одна акция корпорации «Тессье-Эшпул» не появлялась на открытом рынке вот уже более сотни лет. И ни на каком другом рынке, насколько мне известно. Мы столкнулись с каким-то там поколением очень скрытной и очень эксцентричной внеземной семьи, выступающей под видом корпорации. Деньги у них огромные, причем семья всячески избегает внимания СМИ. Широкомасштабное клонирование. Орбитальные законы по

поводу генной инженерии намного мягче земных. Поэтому очень трудно проследить, какое поколение или комбинация поколений управляет корпорацией в данный момент.

– Как это? – спросила Молли.

– У них своя криогенная установка. Даже согласно орбитальному закону замороженный человек считается мертвым. Похоже, они подменяют друг друга, хотя отца-основателя никто не видел лет уже тридцать. А мамаша-основательница погибла в результате несчастного случая в лаборатории...

– Так что же с барыгой?

– Да ничего. – Финн нахмурился. – Бросил это дело. Мы имели счастье одним глазком увидеть фантастическое хитро-роплетение взаимных доверенностей на ведение дел, имеющих в распоряжении «Т-Э», вот и все. Джимми, должно быть, забрался в «Блуждающий огонек», спер эту голову, а Тессье-Эшпулы послали за ней ниндзя. Смит решил выкинуть все это из своей пребывающей пока еще на плечах головы. И правильно, пожалуй, сделал. – Финн взглянул на Молли. – Вилла «Блуждающий огонек». На самом конце Веретена. Посторонние не допускаются.

– И ты считаешь, что у них есть свой ниндзя? – спросила Молли.

– Смит думает, что да.

– Дорогое удовольствие, – заметила девушка. – Интересно, где он сейчас, этот ниндзя-коротышка?

– Возможно, они его заморозили. До следующей необхо-

димости.

– Ладно, – сказал Кейс, – мы знаем, что Армитидж получает свои башли от ИскИна по имени Уинтермьют. Ну и какой от этого толк?

– Пока никакого, – пожала плечами Молли, – но теперь у тебя появляется небольшое побочное развлечение.

Она вынула из кармана сложенный листок бумаги и подала Кейсу. Тот развернул его. Сетевые координаты и пароль входа.

– Кто это?

– Армитидж. Какая-то его база данных. Я получила эти сведения от Котов. За дополнительное вознаграждение. Где это?

– В Лондоне, – сказал Кейс.

– Ну так взломай! – засмеялась Молли. – Покажи, что ты не даром ешь свой хлеб.

* * *

Кейс дожидался на переполненной платформе местного поезда «Транс-СОБА». Молли давно вернулась на чердак с конструктором Флэтлайна в зеленой сумке, а Кейс все это время пил, не просыхая. Странно и неприятно думать о Флэтлайне как о конструкторе, как о кассете постоянной памяти, воспроизводящей профессиональное мастерство покойного, и его пунктики, и даже инстинкты... Местный поезд с гро-

хотом приближался вдоль черной индукционной полосы, из трещин в потолке туннеля посыпались тонкие струйки песка. Кейс втиснулся в ближайшую дверь и, когда состав тронулся, стал разглядывать пассажиров. Двое последователей Христианской Науки, весьма хищные на вид, старались протиснуться к трио юных конторских техничек, на чьих запястьях в резком вагонном освещении влажно поблескивали розовые голографические влагалища. Девушки нервно облизывали идеальной формы губы и поглядывали на христианских ученых из-под опущенных век с металлическим отблеском. Они были похожи на высоких, грациозных экзотических животных, бессознательно покачивающихся в такт движению поезда; высокие каблуки, попиравшие серый металлический пол вагона, походили на полированные копыта. Не успели девушки упорхнуть от миссионеров куда глаза глядят, как поезд уже прибыл на станцию Кейса.

Кейс вышел из вагона и увидел парящую около стены станции голограмму белой сигары, под которой мигала стилизованная под японские иероглифы надпись: «ФРИСАЙД». Пройдя сквозь толпу, Кейс встал прямо под рекламой и принялся изучать изображение. Ниже мигала надпись: «ЗАЧЕМ ОТКЛАДЫВАТЬ?» Белое тупоносое веретено, усеянное решетками, радиаторами, куполами и стыковочными узлами. Кейс видел эту или подобные ей рекламы тысячу раз. Они его не интересовали. Ковбою с декой – один хрен: что Фрисайд, что Атланта – все банки рядом. Путеше-

ствия – это для мяса. Но теперь, разглядывая рекламу, Кейс заметил маленький, не больше монетки, значок, вплетенный в левый нижний угол призрачной ткани рекламы: «Т-Э».

Он вернулся на чердак, думая о Флэтлайне. Почти все девятнадцатое лето своей жизни он провел в «Джентльмене-неудачнике», потягивая дорогое пиво и тараща глаза на ковбоев. Он ни разу еще не притронулся к деке, но твердо знал, чего хочет. В то лето в «Неудачнике» ошивалось не менее двадцати других окрыленных надеждами парнишек, каждый из которых хотел стать мальчиком на побегушках у какого-нибудь ковбоя. Единственный способ выучиться.

Все они слышали о Поли, деревенского вида жокее из окрестностей Атланты, который пережил мозговой коллапс, побывав за черным льдом. Слухи – смутные, уличные, которые только и были доступны мальчишкам, – сходились в одном: Поли сделал невозможное. «Что-то колоссальное, – сообщал Кейсу (за кружку пива) другой будущий великий ковбой, – но вот что именно? Я слышал, что он вскрыл бразильскую платежную сеть. Так это или не так, но этот мужик побывал на том свете. Полный мозговой коллапс». В противоположном конце переполненного бара сидел коренастый парень с каким-то свинцовым цветом кожи.

– Понимаешь, мальчик, – рассказывал ему Флэтлайн несколько месяцев спустя, уже в Майами, – я как эти здоровенные долбаные ящерицы, ну ты знаешь, у которых было два гребаных мозга, один в голове, а другой – в жопе, чтобы

задними ногами двигать. Вот и я, вляпался в это черное говно, а задний мозг – ему хоть бы хны, работает как миленький.

Ковбойская элита «Неудачника» избегала Поли с каким-то суеверным страхом. Маккой Поли, Лазарь киберпространства...

В конце концов его погубило сердце. Второе, русское сердце, пересаженное ему еще во время войны, в лагере для военнопленных. Он не соглашался заменить его, говорил, что привычный ритм поддерживает в нем чувство времени. Кейс пощупал в кармане клочок бумажки, полученный от Молли, и стал подниматься по лестнице.

Молли лежала на темперлоне и тихо похрапывала. Прозрачный гипс доходил от колена до самой промежности, и сквозь стекловидное вещество виднелись ужасные черно-желтые синяки. Вдоль левого запястья выстроились восемь дермов, все разного цвета и величины. Рядом лежал трансдермальный прибор «Акай», к прилепленным под гипсом дерматродам тянулись тонкие красные проводки.

Кейс включил настольную лампу, стоящую рядом с «Хосаккой». Резкий круг света упал прямо на конструктор Флэтлайна. Кейс загрузил в машину лед, подсоединил конструктор и вошел в матрицу.

У него возникло отчетливое ощущение, будто кто-то стоит за спиной.

Кейс кашлянул:

– Дикс? Маккой? Это ты, что ли? – У него пересохло в

горле.

– Привет, браток, – сказал голос из ниоткуда.

– Это я, Кейс. Еще не забыл?

– А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

– Что ты последнее помнишь, Дикс, перед тем как я с тобой сейчас заговорил?

– Ничего.

– Ну-ка, постой.

Кейс отсоединил конструкт. Ощущение чужого присутствия исчезло. Он снова подсоединил конструкт.

– Дикс, кто я?

– Веселенький вопрос. А хрен тебя знает, кто ты такой.

– Ке... Один твой друг. Напарник. Что с тобой случилось?

– Вот и я хотел бы знать.

– Помнишь, как ты был здесь секунду назад?

– Нет.

– А знаешь, как работает матрица личностного ПЗУ?

– Конечно, кореш, фирменный конструкт.

– Значит, если я подключу его к своей базе данных, он получит непрерывную память в реальном времени?

– Думаю, да, – ответил конструкт.

– Ладно, Дикс. Ты – конструкт. Усек?

– Ну, раз ты так говоришь, – согласился конструкт. – Так кто ты такой?

– Кейс.

– А, Майами, ученик, быстро все схватывал.

– Точно. А для разминки мы сгоняем с тобой сейчас в Лондонскую сеть и кое-что там посмотрим. Ты не против?

– А у меня что, есть выбор?

6

– Тебе нужен рай, – посоветовал Флэтлайн, когда Кейс объяснил ситуацию. – Проверь Копенгаген, окраины университетской секции. – Голос по памяти выдал координаты.

Они нашли свой рай, «пиратский рай», на размытой границе слабо защищенной академической сети. На первый взгляд рай этот напоминал граффити, оставляемые иногда студентами-операторами на перекрестках, – еле заметные цветные значки, мерцающие на фоне размытых очертаний дюжины гуманитарных факультетов.

– Вон, – сказал Флэтлайн, – голубой. Видишь? Входной пароль компании «Белл-Европа». Причем свежий. Скоро «Белл» сюда доберется, прочитает всю эту доску объявлений и поменяет все коды, которые здесь вывешены. А завтра ребята сопрут новые.

Кейс набрал входной пароль системы «Белл-Европа», а затем обычный телефонный номер. С помощью Флэтлайна он вышел на лондонскую базу данных, принадлежавших, по словам Молли, Армитиджу.

– Давай, – сказал голос. – Я тут быстро справлюсь.

Флэтлайн принялся нараспев читать цифровые последо-

вательности, Кейс отстукивал их на деке, стараясь передать паузы, которые делал конструктор.

Потребовалось три попытки.

– Тоже мне работа, – сказал Флэтлайн. – Льда вообще нет.

– Просканируй это дерьмо, – скомандовал Кейс «Хосаке». – Просей, выбери биографические материалы владельца.

На месте нейроэлектронных каракуль появился простой белый ромб.

– База содержит в основном видеозаписи послевоенных сессий трибунала, – сказал негромкий голос «Хосаки». – Центральной фигурой процессов является полковник Уиллис Корто.

– Да ты показывай, – сказал Кейс.

На экране появилось незнакомое мужское лицо. С глазами Армитиджа.

* * *

Через два часа Кейс рухнул рядом с Молли, темперлон послушно повторил контуры его тела.

– Нашел что-нибудь? – спросила Молли сквозь сон и наркотики.

– Потом расскажу, я разваливаюсь.

Кейс был в полном смятении и чувствовал отходняк, как после хорошей дозы. Он валялся с закрытыми глазами и

пытался уложить в голове историю человека по фамилии Корто. В резюме, составленном «Хосакой» на основании куцых данных, зияли огромные дыры. Одну часть материала представляли печатные отчеты, которые бежали по экрану так быстро, что Кейсу пришлось попросить «Хосаку» читать их вслух. Другую часть представляли аудиозаписи судебных слушаний по поводу «Разящего кулака».

Полковника Уиллиса Корто забросили через слепое пятно в русской обороне Киренска. Шаттлы пробили эту брешь импульсными бомбами, и команда Корто десантировалась на сверхлегких мотodelьтапланах типа «Ночное крыло». Их крылья упруго раскрылись в лунном свете, отражавшемся в серебристых изгибах Ангары и Подкаменной Тунгуски, – последний свет, какой увидит Корто за предстоящие пятнадцать месяцев. Кейс пытался представить себе, как в вышине над промерзшей степью выходят из пусковых капсул эти хрупкие стрекозы, как расправляют они крылья в морозном ночном воздухе.

– Да, шеф, подставили тебя эти суки, – сказал Кейс, и Молли пошевелилась во сне.

Дельтапланы шли без оружия, чтобы компенсировать вес оператора, экспериментальной деки и вирусной программы «Крот-9», первого настоящего вируса в истории кибернетики. Корто и его команда готовились к рейду три года. Они пробили лед и уже собирались ввести «Крота-девятого», когда их засекли. Русские импульсные пушки вышвырнули жо-

кеев в крошечную электронную тьму, навигационные системы «Ночных крыльев» рассыпались, вся их память была стерта подчистую.

Потом за дело взялись лазеры. Они навелись на тепловое излучение и посшибали хрупкие радарно-прозрачные десантные дельтапланы; Корто и его мертвый оператор упали с сибирского неба. Они падали, падали и падали...

Далее повествование прерывается до того самого момента, когда захваченный русский «летающий танк» прилетает в Финляндию. Прилетает, чтобы быть расстрелянным на рассвете при посадке в еловую рощу из допотопной двадцатимиллиметровой пукалки, управляемой расчетом лопухов-резервистов. «Разящий кулак» закончился для Корто в окрестностях Хельсинки; финские санитары вырезали его из покорёженного брюха вертолета. Через девять дней закончилась и война; слепого, безногого, с оторванной нижней челюстью полковника отвезли в штат Юта, в военный госпиталь. Только через одиннадцать месяцев его обнаружил здесь некий чиновник из аппарата конгресса. Корто лежал и слушал, как капает моча из катетера. К тому времени в Вашингтоне и Маклине уже начались показательные процессы. Пентагон и ЦРУ сильно сократились, остатки их были раздроблены на куски, а следственная комиссия конгресса сосредоточила свое внимание на операции «Разящий кулак». «Готовенький уотергейт», – сказал Корто чиновник.

Еще он сказал, что полковник нуждается в глазах, ногах,

а также в интенсивной работе пластических хирургов, но все можно устроить. «И новую канализацию», – сказал он, трогая Корто за плечо через мокрую от пота простыню.

Бывший полковник слушал негромкое беспрестанное капанье. И сказал, что предпочитает давать показания в своем теперешнем виде.

«Нельзя, – объяснил чиновник, – заседания будут показывать по телевидению. Процессы нужны, чтобы повлиять на избирателей». Он вежливо кашлянул.

Подчищенные, подправленные и многократно отрепетированные показания Корто были яркими, подробными, берущими за душу. Бóльшая их часть была сочинена шайкой-лейкой из аппарата конгресса, кровно заинтересованной в спасении некоторых частей инфраструктуры Пентагона. Полковник постепенно и сам понял, что своими показаниями спас карьеры троих генералов, лично ответственных за сокрытие данных о строительстве МИ-установок в окрестностях Киренска.

После окончания разбирательств его персона стала в Вашингтоне нежелательной. В ресторане на М-стрит за блинчиками со спаржей тот же самый чиновник популярно объяснил ему, что именно произойдет, если он станет болтать лишнее. Сомкнутыми пальцами правой руки Корто раздробил ему гортань. Задохнувшийся чиновник упал лицом в блинчики со спаржей, а Корто вышел на улицу, в холодный вашингтонский сентябрь.

«Хосака» с пулеметной скоростью выдавала содержание полицейских отчетов, донесений промышленных шпионов и новостных лент. В Марракеше и Лиссабоне Корто обрабатывал падких до денег сотрудников корпораций; презирая саму мысль о предательстве, он все больше и больше ненавидел инженеров и ученых, секреты которых покупал для своих хозяев. В Сингапуре, пьяный, он до смерти избил русского инженера, а затем поджег его номер.

Затем он вынырнул в Таиланде, уже в качестве управляющего фабрикой по производству героина. Затем он работал вышибалой в игорных домах Калифорнии, затем – наемным убийцей среди боннских руин. Ограбил банк в Уичите. Записи становились все темнее и непонятнее, а пробелы в них все длиннее.

А однажды, сказал он на допросе, проводившемся, по всей видимости, с использованием «сыворотки правды», все стало серым.

Переведенные с французского медицинские записи констатировали, что в парижскую психиатрическую клинику доставили неизвестного с диагнозом шизофрения. Он впал в кататонию и был отправлен в государственную лечебницу, расположенную на окраине Тулона. Он стал одним из лабораторных кроликов программы по лечению шизофрении при помощи кибернетического моделирования. Случайно выбранные пациенты получали микрокомпьютеры и обучались, при помощи студентов, составлять для них программы.

Из всех больных, участвовавших в эксперименте, выздоровел только Корто.

Здесь записи обрывались.

Кейс заворочался на темперлоне, и Молли негромко выругала его за беспокойство.

* * *

Зазвонил телефон. Не вставая с кровати, Кейс снял трубку:

– Да?

– Мы летим в Стамбул, – сказал Армитидж. – Сегодня вечером.

– Чего еще надо этому ублюдку? – спросила Молли.

– Говорит, сегодня вечером мы летим в Стамбул.

– Ну вообще.

Армитидж зачитал номера рейсов и время вылетов.

Молли села и включила свет.

– А как мое оборудование? – спросил Кейс. – Моя дека?

– Этим займется Финн, – сказал Армитидж и повесил трубку.

Кейс смотрел, как Молли собирает вещи. Несмотря на гипс, на черные круги под глазами, она двигалась как танцовщица. Ни одного лишнего движения. Рядом с сумкой лежала мятая куча его одежды.

– Тебе больно? – спросил Кейс.

– Не помешала бы еще одна ночь у Цзиня.

– Это тот дантист?

– Да уж, дантист. Просто он очень осторожен. Скупил половину этой этажерки и устроил там широкопрофильную больницу. В основном чинит самураев.

Она застегивала сумку.

– Ты бывал в Стамбуле?

– Да, как-то пару дней.

– Он такой же, как прежде, – сказала Молли. – Старый грязный городишко.

* * *

– Вот так же мы отправились и в Тибу. – Молли смотрела из окна поезда на лунный пейзаж промышленной зоны, где красные огоньки на горизонте отгоняли самолеты от термоядерной электростанции. – Мы жили в Лос-Анджелесе. Он вошел и сказал: «Собирайся, мы летим в Макао». Там я играла в фан-тан в «Лиссабоне», а он переправился через Чжуншань. А на следующий день я уже играла с тобой в прятки в Ночном Городе.

Молли вынула из рукава черной курточки шелковый шарфик и протерла им свои линзы. Пейзаж северного Муравейника пробудил в Кейсе детские воспоминания о каких-то пучках сухой травы, торчащих из трещин бетонного фривея.

В десяти километрах от аэропорта поезд начал тормозить.

Кейс смотрел, как над битым шлаком, над пустыми ржавыми скорлупками нефтеперегонных заводов, над ландшафтом его детства встает солнце.

7

В Бейоглу дождило. Арендованный «мерседес» плавно скользил мимо зарешеченных темных окон осторожных греческих и армянских ювелиров. Улица была почти пустынной, только несколько одетых в темное фигур на тротуаре оглядывались на машину.

– Прежде здесь был процветающий европейский район османского Стамбула, – сообщил «мерседес».

– А теперь только что не трущобы, – заметил Кейс.

– «Хилтон» находится на Джумхуриет-Каддеси, – сказала Молли, устраиваясь на заднем сиденье.

– Почему Армитидж летает отдельно? – спросил Кейс. У него болела голова.

– Потому, что ты его достаешь. И меня тоже.

Кейс хотел рассказать ей историю Корто, но передумал. В самолете он наклеил себе снотворный дерм и весь полет проспал.

Прямая пустынная дорога из аэропорта вскрыла город, как аккуратный разрез. Мимо проносились фантастические, заплатка на заплате, стены деревянных домиков, кондо, купола, тоскливые параллелепипеды многоквартирных домов,

опять стенки из фанеры и ржавой жести.

Финн, одетый в новый черный, как у сараримена, костюм, кисло ждал их, сидя в плюшевом кресле, – одинокий остров посреди неоглядного моря бледно-голубых ковров, устилавших холл «Хилтона».

– Боже, – фыркнула Молли. – Крыса в деловом костюме. Они пересекли вестибюль.

– За сколько ты согласился сюда приехать? – Она уронила свою сумку рядом с креслом. – Да еще в таком прикиде – это вообще дорогого стоит.

– Не так уж и много, дорогуша, – весело оскалился Финн, передавая ей магнитный ключ с круглой желтой биркой. – Вас уже зарегистрировали. Апартаменты наверху. – Он огляделся по сторонам. – Дерьмо город.

– Ты страдаешь агорафобией оттого, что тебя вытащили из-под купола. Ты представь, что это вроде как Бруклин. – Молли покрутила ключ на пальце. – Ты здесь лакеем или как?

– Мне нужно проверить имплантаты одного парня, – сказал Финн.

– А как моя дека? – спросил Кейс.

– Соблюдай субординацию. – Финн поморщился. – Все вопросы – к боссу.

Молли сделала быстрый знак пальцами; Финн утвердительно кивнул.

– Да, – сказала Молли, – я знаю, кто это. – Она мотнула

головой в сторону лифтов. — Пошли, ковбой.

Кейс подхватил обе сумки и двинулся следом.

* * *

Их номер один к одному походил на тот, в Тибете, где он впервые встретился с Армитиджем. Утром он подошел к окну, почти готовый увидеть Токийский залив. Через дорогу торчал другой отель. Дождь так и не кончился. Люди со старенькими, завернутыми в прозрачный пластик голосовыми принтерами жались в подъезды домов. Платные писцы, лучшее доказательство того, что в этой стране написанное слово все еще ценится. Неторопливая страна. Из тупорылого черного «ситроена» с примитивным водородным аккумулятором выбрались пятеро суровых турецких офицеров в мятых зеленых френчах. Они вошли в отель напротив.

Кейс опять посмотрел на кровать, на Молли и поразился ее бледности. Губчатый гипс остался дома, на чердаке, рядом с трансдермальным индуктором. В зеркальных линзах отражались лампы, освещавшие номер.

Кейс взял трубку сразу после первого звонка.

— Рад, что вы уже встали, — сказал Армитидж.

— Я только что. А леди еще спит. Послушайте, босс, я думаю, нам стоит немного поговорить. Чем больше я знаю о своей работе, тем лучше работаю.

В трубке наступила тишина. Кейс прикусил губу.

– Ты знаешь вполне достаточно. Может, даже слишком.

– Вы так думаете?

– Одевайся. Буди девочку. Минут через пятнадцать к вам придет гость. Его фамилия Терзибашьян.

Негромкие гудки. Армитидж положил трубку.

– Вставай, малышка, – позвал Кейс. – Дела.

– Я уже час как не сплю. – Зеркала повернулись в его сторону.

– К нам идет некто Джерси Бастион.

– У тебя прямо талант к языкам. И сам ты не иначе из армян. Это – шпик, которого наш начальник приставил к Ривьере. Помоги мне встать.

Терзибашьян оказался молодым человеком в сером костюме и в зеркальных очках с золотой оправой. Через расстегнутый воротничок белой рубашки виднелась подушка черных волос, таких густых, что Кейс принял их сперва за майку. В руках у него был черный хилтоновский поднос с тремя крохотными чашечками ароматного черного кофе и тремя же восточными сладостями неопределенной природы, липкими и цвета соломы.

– Нам ни в коем случае нельзя слишком, как вы выражаетесь, *мельтеши́ться*.

Некоторое время он смотрел прямо на Молли, но затем снял зеркальные очки. Темно-карие глаза имели тот же оттенок, что и короткие, армейской стрижки, волосы...

– Так лучше, да? – улыбнулся армянин. – Иначе получа-

ется бесконечное повторение зеркала в зеркале... А вам, – добавил он Молли, – нужно быть поосторожнее. В Турции не очень любят женщин с подобными модификациями.

Молли откусила половину вязкого бруска.

– Засунь свои советы знаешь куда? – Из-за полного рта слова звучали не очень разборчиво. Она прожевала кусок, глотнула и облизала губы. – Я все про тебя знаю. Ты стучишь для военной полиции, верно? – Ее рука неторопливо скользнула за пазуху и вытащила игольник. Кейс не знал, что Молли вооружена.

– Осторожнее, пожалуйста. – Белая фарфоровая чашечка застыла в сантиметре от губ Терзибашьяна.

Со все той же неспешностью Молли подняла ствол:

– Выбирай: или разлететься на куски, или заработать рак. Всего от одной стрелы, сраная морда. Ты даже не почувствуешь.

– Пожалуйста. Не понимаю, для чего вы ставите меня в... как это у вас называется?.. *крайне затруднительное положение*.

– А я понимаю, что сегодня у меня, как это у меня называется, крайне хреновое настроение. Так что рассказывай нам про этого парня и чеши отсюда. – Она спрятала оружие.

– Он живет в «Фенере» на Кучук-Гюльхане-Джаддези, четырнадцать. Каждый вечер ездит в метро на базар, по одному и тому же маршруту. Недавно он выступал в «Енишехир палас-отели», это современная гостиница в стиле *turistik*,

но этими представлениями заинтересовалась полиция – не по своей, как вы понимаете, инициативе. Администрация «Енишехира» занервничала.

Терзибашьян улыбнулся. От него исходил сильный металлический запах лосьона для бритья.

– Мне нужно знать об имплантатах, – сказала Молли, массируя себе бедро. – Я хочу знать, на что он способен.

Терзибашьян кивнул:

– Хуже всего эти, как у вас выражаются, *сублиминалы*. – В последнем слове он тщательно артикулировал каждый слог.

* * *

– Слева от нас, – сказал «мерседес», пробираясь по лабиринту мокрых от дождя улиц, – главный базар Стамбула «Капали Карси».

Сидевший рядом с Кейсом Финн понимающе хрюкнул, хотя смотрел в совершенно противоположном направлении. По правой стороне улицы тянулись склады утильсырья. Среди куч на щербатых, покрытых ржавыми пятнами мраморных плитах валялся развороченный остов паровоза. Поленица безголовых мраморных статуй.

– Домой хочется? – спросил Кейс.

– Дерьмовый городишко, – вздохнул Финн.

Его черный шелковый галстук стал похож на изношенную ленту от пишущей машинки. На лацканах нового костюма

появились медальоны из яичных пятен и мясной подливки для люля-кебаба.

– Эй, Джерси, – обратился Кейс к сидевшему сзади армянину, – а где этому парню ставили имплантаты?

– В Тиба-Сити. У него нет левого легкого. Правое – форсированное, так это у вас говорят? Конечно, имплантаты может купить любой, но этот парень – очень талантливый.

«Мерседес» объехал груженную кожами подводу.

– Я же ходил за ним и видел, как падают встречные велосипедисты, пачками, ежедневно. Найдешь такого велосипедиста в больнице, каждый раз одна и та же история. Рядом с тормозным рычагом сидел скорпион...

– «Получаешь то, что ты видишь».⁹ Да-а, – сказал Финн. – Я встречался со схемами, как у этого парня. Очень высокая яркость. Мы видим, что он воображает. Думаю, он свободно может сжать импульс и сжечь сетчатку.

– А ты говорил это своей знакомой? – Терзибашьян подался вперед. – В Турции женщина – все еще женщина. Эта же...

– Только посмотри на нее косо, – Финн хмыкнул, – она повяжет тебе яйца вместо галстука.

– Я не понимаю эту идиому.

– Ничего страшного, – вмешался Кейс. – Она означает

⁹ Аллюзия на основной принцип построения машинного интерфейса: «What you see is what you get» (обычно не переводится). В свою очередь, эта фраза восходит к Льюису Кэрроллу. В «Алисе в Стране чудес» Шляпник рассуждает о нетождественности фраз: «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу».

«заткнись».

Армянин откинулся назад, оставив после себя металлический запах лосьона. Он зашептал в рацию «Саньо» странную смесь греческих, французских и турецких слов, среди которых изредка попадались английские. Рация отвечала ему по-французски. «Мерседес» мягко свернул за угол.

– Базар пряностей, который иногда называют египетским, – сообщил автомобиль, – образовался на месте древнего базара, построенного султаном Хатисом в тысяча шестьсот шестидесятом году. Это центральный городской рынок, где продают пряности, программное обеспечение, парфюмерию, лекарства.

– Ага, лекарства, – сказал Кейс, глядя, как дворники ходят туда-сюда по пуленепробиваемому лексану. – На какой, говоришь, дури сидит Ривьера?

– На смеси кокаина и меперидина, – сказал армянин и опять что-то забормотал в передатчик.

– Эту смесь называют демерол, – пояснил Финн. – Он спидболовый клоун, выходит. Интересная у тебя, Кейс, компания.

– Пустяки, – сказал Кейс, поднимая воротник куртки, – мы заменим этому засранцу поджелудочную или еще чего.

* * *

Как только они оказались на базаре, лицо Финна замет-

но прояснилось, как будто его обрадовала толпа и ощущение замкнутого пространства. Они шли вслед за армянином по главному торговому залу, крытому закопченными листами пластика на железных, выкрашенных зеленой краской опорах эпохи паровых машин. Вокруг извивались и подмигивали тысячи парящих в воздухе реклам.

– Вот это да! – восхитился Финн, хватая Кейса за руку. – Глянь-ка. – Он показал пальцем. – Это же лошадь. Ты видел когда-нибудь лошадь?

Кейс посмотрел на чучело животного и мотнул головой. Оно стояло на чем-то вроде пьедестала возле прохода к торговым рядам, где продавали птиц и обезьянок. Ноги чучела облысели и почернели от прикосновения бесчисленных рук.

– А я вот видел лошадь, в Мериленде, – сказал Финн. – Года через три после пандемии. Какие-то арабы все еще пытаются воссоздать лошадей из ДНК, но ни хрена не получается –дохнут.

Коричневые стеклянные глаза животного как будто следили за ними, когда они проходили мимо. Терзибашьян привел их в кафе с низким потолком, которое, казалось, существовало здесь со времен основания рынка. Костлявые мальчишки в грязных белых куртках метались среди переполненных столиков, балансируя металлическими подносами с бутылками «Тюрк-Туборга» и крохотными стаканчиками чая.

Около входа в кафе Кейс купил у разносчика пачку «Ехэюань». Армянин все еще переговаривался по рации.

– Пошли, – сказал он, – объект вышел из дому. Каждую ночь он садится в метро и едет сюда, чтобы купить у Али свою смесь. Ваша женщина рядом. Пошли.

* * *

Переулок был старый, со стенами из темных каменных блоков. Неровные известняковые плиты тротуара пахли бензином, насквозь пропитавшим их за сто лет.

– Ни хрена не видно, – прошептал Кейс.

– Нашей красавице это только на руку, – отозвался Финн.

– Тихо, – почти выкрикнул Терзибашьян.

То ли по камню, то ли по бетону скрипнуло дерево. Впереди, метрах в десяти от них, на мокрые булыжники упал клин света. Кто-то вышел, дверь со скрипом захлопнулась, и переулок снова погрузился во тьму. Кейс поежился.

– Пора, – произнес Терзибашьян, и сейчас же ослепительный белый луч с крыши здания напротив рынка накрыл худощавую фигурку, застывшую рядом со старой деревянной дверью, идеально круглым пятном света.

Блестящие глаза стрельнули влево-вправо, и мужчина рухнул на землю. Он лежал лицом вниз, белокурые волосы – светлое пятно на древнем камне, белые руки жалко обмякли. «Кто же в него шмальнул-то?» – подумал Кейс.

Световое пятно даже не дрогнуло.

Вдруг куртка на спине мужчины взбугрилась и лопнула,

на стену и дверь фонтаном ударила кровь. Следом из про-
рехи появились две невероятно длинные руки, под серова-
то-розовой кожей рельефно вырисовывались жгуты сухожи-
лий. Из тротуара сквозь неподвижные окровавленные остан-
ки Ривьеры вылезла ужасная тварь. Двухметровое чудовище
стояло на двух ногах и, казалось, не имело головы. Оно мед-
ленно повернулось в их сторону, и Кейс увидел, что голова у
него есть, нет только шеи. Лицо, или как это назвать, влаж-
но поблескивало, глаз на нем не было. Рот – если это неглу-
бокое конусообразное углубление действительно было ртом
– обрамляла буйная поросль волос или щетины, блестящей,
как черный хром. Чудовище отпихнуло ногой жалкую кучку
обрывков одежды и плоти, затем сделало шаг. Круглый рот,
похожий сейчас на миниатюрную радарную антенну, обша-
ривал окрестности в поисках жертвы.

Раскинув руки, как человек перед прыжком, Терзибашьян
крикнул что-то то ли по-гречески, то ли по-турецки и бро-
сился на тварь. Он пробежал сквозь нее. Прямо на вспыш-
ку выстрела, сверкнувшую откуда-то из темноты, лежавшей
по ту сторону ярко освещенного круга. Мимо головы Кей-
са просвистели осколки камня, и Финн рывком заставил его
присесть.

Прожектор на крыше погас, а перед глазами все еще стоя-
ли вспышка выстрела, чудовище и резкий луч света. В ушах
звенело.

Снова зажегся прожектор, теперь он начал обшаривать

переулок. Бледный как смерть Терзибашьян прислонился к стальной двери. Он поддерживал левое запястье и смотрел, как из раны капает кровь. У его ног лежал белокурый парень, абсолютно целехонький и без малейших следов крови.

Из темноты появилась Молли, вся в черном и с игольником в руках.

– Свяжись по радио, – сквозь сжатые зубы процедил армянин. – С Махмутом. Нужно убрать его отсюда. Это плохое место.

– Этот недоделок чуть не смылся. – Громко хрустнув коленями, Финн поднялся с земли и начал без особого толка отряхивать свои штанины. – Ну что, посмотрели фильм ужасов? Это тебе не гамбургер, который исчезает за кадром. Мощная работа. Ладно, давай поможем унести его на хрен отсюда. Хочу просканировать механику этого типа, прежде чем он очухается, надо же убедиться, что Армитидж не зря тратит деньги.

Молли наклонилась и что-то подняла. Пистолет.

– «Намбу», – сказала она. – Хороший ствол.

Терзибашьян громко застонал. Кейс только сейчас заметил, что у того отсутствует большая часть среднего пальца левой руки.

* * *

Когда город начал пропитываться предрассветной голу-

бизной, Молли приказала «мерседесу» везти их в Топкапи. Финн и огромный турок – тот самый Махмут – унесли все еще не пришедшего в сознание Ривьеру. Несколькоми минутами позднее подъехал запыленный «ситроен» – за армянином, который находился на грани обморока.

– Жопа ты, – сказала Молли, открывая для него дверцу машины. – Сидел бы себе и не высовывался. Я держала его на прицеле с той самой секунды, как он вышел.

Терзибашьян свирепо посмотрел на девушку.

– Во всяком случае, ты нам больше не нужен. – Молли посадила его в машину и захлопнула дверцу. – Еще раз попадешься мне, и я тебя прикончу, – сказала она бледному лицу, видневшемуся за тонированными стеклами; «ситроен» дернулся и неуклюже вывернул из переулка на улицу.

«Мерседес» несся по просыпающемуся городу. Они миновали Бейоглу и теперь пробирались сквозь лабиринты запущенных улочек, мимо захудалых доходных домов, смутно напомнивших Кейсу Париж.

– А это что еще за хрень? – спросил он Молли, когда «мерседес» остановился возле сада, окружавшего Сераль.

Дикая разностильность этого комплекса зданий могла ошарашить кого угодно.

– Топкапи, – сказала Молли, вылезая из машины и потягиваясь. – Раньше здесь был как бы частный публичный дом короля. Уйма баб. А теперь это музей. Малость похоже на мастерскую Финна: все свалено грудами – здоровенные

бриллианты, мечи, левая рука Иоанна Крестителя...

– Живая, как в консервирующем чане?

– Нет. Мертвая. Лежит внутри такой бронзовой руки с дыркой сбоку, чтобы христиане могли поцеловать. Турки отобрали ее у христиан миллион, наверное, лет назад и с тех пор ни разу не удосужились стереть с нее пыль: ведь это «реликвия неверных».

В садах Сераля ржавел чугунный олень. Кейс шел рядом с Молли и слушал, как хрустит под носками ее ботинок неужоженная трава, жесткая от утреннего мороза. Они шли параллельно дорожке, сложенной из восьмиугольных каменных плит, очень, наверное, холодных. Чуть подальше, на Балканах, была уже зима.

– Этот Терзи – большая сволочь, – сказала Молли. – Он агент тайной полиции. Настоящий палач. Купить такого сучару проще простого, особенно за такие деньги, какими швыряется Армитидж.

На деревьях начинали петь птицы.

– Я раздобыл сведения из Лондона, – сказал Кейс. – Кое-что узнал, но не понимаю, что именно.

И рассказал ей историю Корто.

– Да, я знаю, что в «Разящем кулаке» не участвовал никакой Армитидж. Проверено. – Молли погладила ржавый олений бок. – И ты считаешь, что маленький компьютер вывел его из шизофрении? В этой французской больничке?

– Скорее уж, Уинтермьют, – ответил Кейс.

Молли кивнула.

– Интересный вопрос, – задумчиво сказал Кейс, – а знает ли Армитидж, что он был когда-то полковником Корто? Я хочу сказать: когда Армитидж попал в больницу, он был никем, а потому вполне возможно, что Уинтермьют...

– Верно. Наново его сконструировал. Да, дела...

Они пошли дальше.

– Вариант разумный. Понимаешь, у него нет никакой личной жизни. Насколько я могу судить. Когда встречаешь такого мужика, то думаешь: ну чем-нибудь он да занимается, когда один. Но только не Армитидж. Он сидит дома и смотрит в стенку. Затем у него в голове что-то щелкает, и он развивает бурную деятельность.

– Так зачем же эта лондонская заначка? Милые сердцу воспоминания?

– Может, он о ней и не знает, – пожала плечами Молли. – Может, этот массив не его, а положен на его имя.

– Что-то не понял, – заметил Кейс.

– Нечего тут и понимать, я просто думаю вслух... Насколько умны эти ИскИны?

– По-разному бывает. Некоторые не намного умнее собаки. Так, игрушки. Игрушки, которые стоят целого состояния. А вот настоящие – очень умные, умные настолько, насколько позволяет им Тьюринг-полиция. ИскИны могут быть очень и очень умными.

– Послушай, ты ведь ковбой. Почему же тебя так мало ин-

интересуют такие вещи?

– Начать с того, – ответил Кейс, – что они встречаются очень редко. И почти всегда – в оборонных ведомствах, а там защиту не пробьешь. Ведь это военные изобретают все новый и новый лед. А тут еще и Тьюринг-копы. С этими ихними копами лучше не связываться. Так что, – он покосился на девушку, – я предпочитаю в такие дела не лезть.

– Вот и все вы, жокеи, такие, – презрительно фыркнула Молли. – Нуль воображения.

Они подошли к широкому прямоугольному пруду, где карпы лениво щипали стебли каких-то белых водяных цветов. Девушка пнула валявшийся на земле камешек и стала смотреть, как бегут по воде круги.

– Этот Уинтермьют, – сказала она, – связан с чем-то очень крупным. До нас доходят волны, но мы не видим камня, упавшего в центре. Нам известно, что там что-то происходит, но и только. Я хочу знать, что именно. Я хочу, чтобы ты поговорил с Уинтермьютом.

– Чего? – поразился Кейс. – Да меня к нему и близко не подпустят. Ты, милая, не в себе.

– Попытайся.

– Это невозможно.

– Попроси Флэтлайна.

– Послушай, а на кой нам хрен этот Ривьера? – спросил Кейс в надежде сменить тему разговора.

Девушка сплюнула в пруд:

– Бог его знает. Прикончить бы его, да и дело с концом. Я же видела его профиль. Этакий Иуда по призванию. Он и кончить-то толком не может, если не предаст предварительно объект своего вожделения. Так вот прямо в досье и сказано... Да еще обязательно, чтобы она его любила. Не знаю, может, он тоже их любит, на свой манер. Ривьера уже три года сдает политических в здешнюю тайную полицию, потому-то Терзи и не составило большого труда подставить его нам. Думаю, Терзи приглашал этого гаденыша посмотреть на пытки. Он же продал за эти три года восемнадцать человек. И все – женщины от двадцати до двадцати пяти лет. Благодаря ему у Терзи всегда хватало диссидентов. – Молли сунула руки в карманы. – Как только Ривьера увлекался бабой, он подбивал ее заняться политикой. У него личность – вроде как костюм у Диких Котов. Психотип редчайший, один на два миллиона. Небольшой, но все же комплимент природе человеческой. – Молли смотрела на сонную рыбу и белые цветы, на лице ее застыла горечь. – Знаешь, я, пожалуй, подстрахуюсь от этого циркача.

Холодная усмешка Молли не предвещала ничего хорошего.

– Как это?

– Не бери в голову. Давай вернемся в Бейоглу и позавтракаем. Сегодня у меня опять тяжелая ночь. Нужно забрать его барахло из номера в «Фенере», а затем сходить на базар и купить ему дурь...

– Купить дурь? Этой гниде?

– Ревнуешь? – расхохоталась Молли. – Умирать на колючке мы его точно не бросим. А судя по имеющейся информации, не сожрав дозы, он не может работать. Не бойсь, ты нынешний мне нравишься больше прежнего – по крайней мере, не такой тощий. – Она опять улыбнулась. – Так что схожу-ка я к торговцу Али и хорошенько затоварюсь. Без этого никак.

* * *

В «Хилтоне» их ждал Армитидж.

– Пора собираться, – сказал он, и Кейс попытался под загорелой маской со светло-голубыми глазами найти следы человека по имени Корто.

Ему вспомнился Уэйдж из Тибы. Обычно крупные дельцы скрывали свои наклонности. Однако Уэйдж имел свои грешки, имел любовниц. По слухам, даже детей. А вот Армитидж оставался полной загадкой.

– А теперь куда? – поинтересовался Кейс, проходя мимо Армитиджа к окну. – И какой там климат?

– У них нет климата, только погода, – загадочно сообщил Армитидж. – Вот. Читай... – Он положил на кофейный столик пачку проспектов и встал.

– Как там Ривьера? И где Финн?

– С Ривьерой все в порядке. Финн уже летит домой. – Улыбка Армитиджа выражала не больше, чем подрагивание

усиков насекомого. Он ткнул Кейса в грудь, и при этом звякнул золотой браслет. – Не будь таким умником. Ты же не знаешь, насколько уже растворились стенки этих шариков.

Лицо Кейса застыло. Он взял себя в руки и скованно кивнул.

Когда Армитидж ушел, Кейс раскрыл один из проспектов. Дорогая бумага, текст – на французском, английском и турецком.

ФРИСАЙД – СВОБОДНАЯ ЗОНА.

ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?

В этот раз все четверо летели вместе рейсом компании «Ти-Эйч-Уай» из аэропорта Есилкёй. В Париже – пересадка на шаттл компании «Джей-Эй-Эль». Кейс сидел в вестибюле «Истанбул-Хилтона» и смотрел, как Ривьера перебирает в сувенирной лавке липовые византийские древности. В дверях, накинув плащ на плечи, стоял Армитидж.

Ривьера, стройный блондин с нежным голосом, изъяснялся по-английски бегло и без акцента. Молли говорила, что ему тридцать, но по внешнему виду было трудно угадать его возраст. Еще она сказала, что Ривьера не имеет гражданства и путешествует по поддельному голландскому паспорту. Он родился в зоне полного разрушения, которая окружала радиоактивный центр старого Бонна.

В лавку стремительно ворвались три улыбчивых японских туриста, по пути они вежливо поклонились Армитиджу. Тот быстро и демонстративно пересек лавку и встал рядом с Ри-

вьерой. Ривьера повернулся к нему и расплылся в улыбке. Очень красивое лицо, над которым явно потрудился хирург в Тибете. Ничего не скажешь, изящная работа, ничего похожего на армитиджевский гоголь-моголь из банальных поп-физиономий. Высокий гладкий лоб, широко посаженные серые глаза. Нос имел, вероятно, слишком идеальную форму, а потому был сломан и установлен наново, чуть небрежно. В результате появился легкий оттенок брутальности, удачно контрастировавший с точеным подбородком и быстрой, легкой улыбкой. Маленькие ровные зубы сверкали белизной. Кейс смотрел, как белые руки перебирают якобы осколки якобы древних якобы статуй.

Ривьера совершенно не походил на человека, которого прошлой ночью подстрелили иглой со снотворным, а затем похитили, подвергли тотальному осмотру и заставили присоединиться к команде Армитиджа.

Кейс взглянул на часы. Молли вот-вот вернется. Тоже мне наркокурьер.

– А ведь этот говнюк и сейчас под кайфом, – сказал он хилтоновскому вестибюлю.

Седеющая итальянская матрона в белом кожаном смокинге опустила на нос очки «порше» и взглянула на него с некоторым недоумением. Он широко улыбнулся, встал и вскинул сумку на плечо. Нужно было купить сигарет. Интересно, есть ли в шаттле салон для курящих?

– Счастливо оставаться, леди, – сказал он даме; та быстро

опустила очки на место и отвернулась.

Сигареты продавались в сувенирной лавке, но Кейсу не хотелось разговаривать ни с Армитиджем, ни с Ривьерой. Торговый автомат находился в узкой нише в конце ряда таксофонов.

Он покопался в набитом турецкими лирами кармане и начал скормливать в щель маленькие тусклые монетки, слегка забавляясь анахронизмом процесса. Ближайший таксофон зазвонил.

Кейс машинально снял трубку:

– Да?

В трубке тихо попискивало, сквозь шумы спутниковой связи доносились тихие невнятные голоса, а затем раздался звук, похожий на завывание ветра:

– Привет, Кейс.

Пятидесятилировая монетка выскользнула из пальцев, подпрыгнула и куда-то укатилась.

– Это Уинтермют, Кейс. Пора бы нам поговорить.

Электронный голос.

Кейс повесил трубку.

Позабыв про сигареты, он шел вдоль длинного ряда таксофонов. И каждый раз, когда Кейс проходил мимо очередного аппарата, тот звонил ровно один раз.

Часть третья

Полночь на рю Жюль Верн

8

Архипелаг.

Острова. Тор, веретено, кластер. Человеческая ДНК сочитается из недр гравитационного колодца, масляным пятном расплывается по его крутой стенке.

Вызовите графическую программу самого обобщенного, грубого отображения плотности обмена информацией в архипелаге L5, у пятой точки Лагранжа.¹⁰ На экране ярко вспыхнет массивный красный прямоугольник, доминирующий элемент схемы.

Фрисайд. Фрисайд многогранен, и далеко не все его грани видны туристам, снующим вверх-вниз по гравитационному колодцу. Фрисайд – это бордель и банковский центр, дво-

¹⁰ В 1772 г. французский математик Жозеф Луи Лагранж открыл, что в системе двух массивных тел (в данном случае Земля—Луна) существует пять так называемых точек либрации, или точек Лагранжа, в которых третье тело с пренебрежимо малой массой может оставаться неподвижным относительно этих двух тел. Все пять точек лежат в плоскости орбит массивных тел, причем первые три (коллинеарные) – на линии, соединяющей эти тела, а четвертая и пятая (треугольные, или троянские) – в вершинах равносторонних треугольников, опирающихся на центры двух массивных тел.

рец наслаждений и свободный порт, город пионеров и роскошный курорт. Фрисайд – это Лас-Вегас и Висячие сады Семирамиды, орбитальная Женева и семейное гнездо чистокровного (на манер призовых кошек и собак), опутанного густой сетью близких внутрисемейных браков, промышленного клана Тессье и Эшпулов.

В Париж они летели лайнером «Ти-Эйч-Уай», первым классом, и сидели все вместе: Молли у иллюминатора, рядом с ней – Кейс, а Ривьера и Армитидж – у прохода. Был момент, когда самолет накренился на вираже, и Кейс увидел сквозь круглое окошко море и горстку сверкающих алмазов – островной греческий городок. В другой раз, потянувшись за своим стаканом, он заметил в смеси бурбона с водой еле уловимое очертание чего-то, очень похожего на гигантский сперматозоид.

Молли перегнулась через Кейса и ударила Ривьеру по щеке:

– Не надо, малыш. Кончай шуточки. Еще одна сублиминальная срань, и тебе будет не как сейчас, а *очень* больно. Здоровье твое драгоценное ничуть не пострадает, а я получу огромное удовольствие.

Кейс оглянулся на Армитиджа. Лицо абсолютно спокойное, во внимательных голубых глазах ни тени раздражения.

– Верно, Питер. Кончай.

Кейс посмотрел на Молли. Мелькнула и тут же исчезла

черная роза, лоснящиеся, как кожа, лепестки, черный стебель с блестящими металлическими шипами...

Ривьера кротко улыбнулся, закрыл глаза и тут же уснул.

Молли отвернулась к иллюминатору; в темном стекле отразились два серебряных круга.

– Ты ведь летал уже в космос? – спросила Молли, глядя, как Кейс устраивается на толстом податливом темперамоне амортизационной койки шаттла.

– Да нет. Я и вообще почти не летаю, только если по делу.

Стюард прилаживал к его запястью и левому уху датчики.

– Надеюсь, тебя не прихватит СКА, – сказала Молли.

– Воздушная болезнь? Ни в коем разе.

– Здесь не совсем то. В невесомости пульс твой участится, а вестибулярный аппарат на время сбрендит. Появится рефлекторное желание удрать неизвестно куда и соответствующий прилив адреналина.

Стюард переместился к Ривьере и вытащил из кармана красного пластикового фартука очередной набор датчиков.

Кейс отвернулся и попробовал различить очертания старых пассажирских терминалов аэропорта Орли, но увидел только мокрый бетон изящно изогнутых отражателей выхлопа. На ближайшем из них красовался какой-то арабский лозунг – красные закорючки, напыленные из аэрозольного баллончика.

Кейс закрыл глаза и сказал себе, что шаттл – это просто

очень большой самолет, который очень высоко летает. Вот и пахнет он как самолет – одеждой, жевательной резинкой и выхлопными газами. Из динамиков доносилось негромкое позвякивание кото.¹¹ Оставалось только ждать.

Прошло двадцать минут, и мягкая, непомерно тяжелая лапа перегрузки глубоко вдавила его в темперлон.

На практике СКА – синдром космической адаптации – оказался еще хуже, чем в описании, но все быстро кончилось, и Кейс заснул. Когда стюард его разбудил, шаттл уже маневрировал среди посадочных терминалов.

– А теперь сразу во Фрисайд?

Кейс с тоской взирал на крошку табака от «Ехэюань», которая выплыла из его нагрудного кармана и теперь дразняще плясала перед носом. Пассажирам шаттлов категорически запрещалось курить.

– Нет, программа поменялась, обычные закидоны нашего начальничка. Теперь мы направляемся на Сион. Точнее, в кластер Сион. – Молли тронула пряжку привязной системы и начала выбираться из нежных объятий амортизирующего пластика. – Маршрут, мягко скажем, странноватый.

– А чего?

– Растаманы – с дредами, все дела. Их колонии лет уже тридцать.

– Да кто они такие?

¹¹ *Кото* – японский струнный инструмент.

– Увидишь. Мне-то один хрен, растаманы там или не растаманы. Ну а ты сможешь там хотя бы покурить.

Сион основали пятеро рабочих, которые отказались вернуться на Землю: повернулись к небу передом, к гравитационному колодцу – задом и начали строить. Пока центральный тор не закрутили и не создали в нем тяготение, все они страдали от вымывания кальция и сердечной недостаточности. Пузырь такси подплывал к корпусу Сиона, сваренному на живую нитку; на взгляд Кейса, эта устрашающая конструкция сильно смахивала на латанные-перелатанные лачуги стамбульских трущоб – разнокалиберные, неправильной формы плиты обшивки, то здесь, то там растафарианская символика и накорябанные лазером имена строителей.

Молли и тощий сионит по имени Аэрол помогли Кейсу справиться с невесомостью и препроводили его по недлинному переходу внутрь малого тора. За очередным приступом головокружения Кейс не сразу заметил, что Ривьера и Армитидж куда-то исчезли.

– Сюда, – сказала Молли, проталкивая его ноги в узкий люк, сделанный вроде бы в потолке. – Хватайся за перекладины. Ты сейчас представь себе, что спускаешься, и все будет тип-топ. Чем ближе к внешнему периметру, тем больше тяготение, так что это и вправду спуск. Сечешь?

Желудок Кейса яростно протестовал.

– Все, брат, будет в порядке, – обнадежил его Аэрол,

сверкнув золотыми зубами.

Как-то так вышло, что конец туннеля оказался его дном. Кейс вцепился в несильное тяготение, как утопающий в спасательный круг.

– А ну-ка, вставай! – прикрикнула на него Молли. – Ты что, целоваться с палубой собрался?

Кейс обнаружил, что лежит ничком, раскинув руки. Что-то стукнуло его по плечу. Он перекатился на спину и увидел толстую бухту эластичного троса.

– Будем строить хибару, – сказала Молли. – Помоги мне натягивать веревку.

Кейс оглядел обширное, совершенно пустое пространство и заметил, что всюду приварены стальные кольца – безо всякой на первый взгляд системы. Они растянули трос по какой-то сложной, придуманной Молли схеме и развесили на нем обшарпанные листы желтого пластика. Во время работы Кейс постепенно ощутил, что кластер сотрясается от музыки. Называлась она даб – чувственная мешанина, состряпанная на основе огромных фонотек оцифрованной поп-музыки; она, по словам Молли, являлась некой частью религиозного ритуала и создавала чувство общности. Кейс поднял один из желтых листов, легкий, но очень громоздкий. Сион пропах вареными овощами, человеческим потом и марихуаной.

– Вот и прекрасно, – кивнул Армитидж, легко проскальзывая в люк и глядя на пластиковый лабиринт; появившийся

следом Ривьера был явно непривычен к слабому тяготению.

– Где тебя носит, когда нужно работать? – спросил его Кейс.

Тот открыл рот, словно собираясь ответить. Из рта выплыла небольшая форель, а за ней, что было совсем уж невероятно, цепочкой тянулись пузыри.

– В голове, – улыбнулся Ривьера.

Кейс засмеялся.

– Хорошо, – кивнул Ривьера, – ты умеешь смеяться. Понимаешь, я бы помог вам, но руки – мое слабое место. – Он выставил вперед ладони, которые неожиданно удвоились. Четыре руки, четыре ладони.

– И ты, Ривьера, просто безвредный клоун – так, что ли? – Молли встала между Ривьерой и Кейсом.

– Пошли, брат, – позвал из люка Аэрл. – Идем, ковбой.

– Твоя дека, – объяснил Армитидж, – и остальное хозяйство. Помоги ему принести вещи из грузового шлюза.

– Ты очень бледный, брат, – заметил Аэрл, когда они волокли запакованную в пенопласт «Хосаку» по центральному туннелю. – Может, съешь чего?

Рот Кейса наполнила противная слюна, и он замотал головой.

Армитидж объявил восьмидесятичасовую остановку. Молли и Кейсу нужно привыкнуть к невесомости и научиться в ней работать. Кроме того, он проинструктирует их на-

счет Фрисайда и виллы «Блуждающий огонек». Оставалось неясным, что будет делать Ривьера, но спрашивать Кейсу не хотелось. Через несколько часов после прибытия Армитидж послал его в желтый лабиринт, чтобы пригласить Ривьеру поесть. Тот лежал, по-кошачьи свернувшись, на тонком темперлоновом матрасе, совершенно голый, и, по всей видимости, спал. Вокруг его головы вращался нимб из белых геометрических тел: кубов, сфер и пирамид.

– Эй, Ривьера.

Кольцо продолжало вращаться. Кейс вернулся и доложил Армитиджу.

– Под кайфом. – Молли оторвала взгляд от разобранного игольника. – Хрен с ним.

По всей видимости, Армитидж считал, что невесомость повлияет на способность Кейса оперировать в матрице.

– Не бери в голову, – отмахнулся Кейс. – Я включаюсь, и меня уже здесь нет. Мне все равно, где мое тело.

– У тебя высокий адреналин, – заметил Армитидж. – Ты все еще страдаешь от СКА. Но у нас нет времени ждать, пока ты обвыкнешься. Тебе придется научиться работать, превозмогая болезнь.

– Так что, я буду рубиться прямо отсюда?

– Нет. Потренируйся, Кейс. Прямо сейчас. В коридоре, наверху, где невесомость.

Представление декой киберпространства совершенно не

зависело от ее физического местонахождения. Войдя в матрицу, Кейс увидел перед собой привычные очертания ступенчатой пирамиды – базу данных Ядерной комиссии Восточного побережья.

– Как дела, Дикси?

– Я же мертв, Кейс. Что же я – полный кретин и ничего не понимаю? Сидя в твоей «Хосаке», я имел время подумать.

– Ну и как ты себя чувствуешь?

– Да никак.

– Тебя что-нибудь беспокоит?

– Меня беспокоит, что меня ничто не беспокоит.

– Как это?

– В Сибири, в русском лагере, один мой дружок отморозил себе палец. Ну и конечно, ампутация. Как-то через месяц я замечаю, что он всю ночь ворочается. «Элрой, – говорю я, – что это ты никак не утомонишься?» – «Палец, – говорит, – чешется». – «Почеши, – говорю я ему, – и спи». – «Маккой, – говорит он, – этот – не почешешь».

По позвоночнику Кейса пробежала волна ледящего холода, и он не сразу понял, что это такое. Конструкт смеялся.

– Слушай, ты можешь оказать мне небольшую услугу?

– Услугу, Дикси?

– Этот вот ваш шахер-махер, когда вы его закончите – сотри меня на хрен.

Сионитов Кейс не понимал.

Как-то раз Аэрол сам, безо всякой подначки, рассказал ему о ребенке, который выскочил из его лба и убежал в заросли гидропонной ганжи.

– Маленький такой, совсем ребенок, ну вот как твой палец, не больше. – Он потер ладонью свой широкий загорелый (без малейшей, конечно же, царапинки) лоб.

– Это ганжа, – пожалала плечами Молли, когда Кейс пересказал ей эту историю. – Сиониты не проводят особого различия между действительностью и галлюцинацией. То, что рассказал тебе Аэрол, действительно с ним случилось. Это не лапша на уши, а уж скорее поэзия. Сечешь?

Кейс кивнул, но остался при своих сомнениях. При разговоре сиониты непременно дотрагивались до собеседника, чаще всего – брали его за плечо. Кейсу это не нравилось.

Часом спустя Кейс готовился к очередной тренировке.

– Эй, Аэрол! Иди-ка сюда. Вот, попробуй! – крикнул он, протягивая сиониту троды.

Аэрол плавно, словно в замедленном кино, развернулся. Босые ноги ударились о стальную переборку, а свободная рука ухватила за перекладину; другая рука держала пластиковый мешок с синезелеными водорослями. Он застенчиво поморгал и улыбнулся.

– Попробуй, – повторил Кейс.

Аэрол взял ленту, надел ее на голову и закрыл глаза. Кейс нажал кнопку питания. По худощавому телу сионита пробежала судорожная дрожь. Кейс торопливо выключил деку:

– Ну и что ты видел?

– Вавилон, – печально сказал Аэрол, возвращая троды, а затем оттолкнулся ногами и улетел.

Ривьера неподвижно сидел на темперлоновой подушке. Чуть выше локтя его руку плотно обвивала изящная – не толще пальца – змейка с горящими, как рубин, глазами. Кейс потрясенно смотрел, как украшенное ярким черно-алым узором тельце стягивается все туже и туже.

– Ну, давай, – ласково сказал Ривьера бледно-желтому, как воск, скорпиону, сидевшему на его раскрытой ладони. – Давай.

Скорпион шевельнул коричневыми клешнями и, быстро перебирая ножками, побежал вверх по руке вдоль темноватых вен. Достигнув локтевой ямки, он остановился и еле заметно задрожал. Ривьера издал негромкий звук, что-то вроде шипения. Жало поднялось, поколебалось, словно в нерешительности, и вонзилось в набухшую вену. Коралловая змейка ослабила хватку, и Ривьера медленно вздохнул. Кайф пошел.

Змейка и скорпион исчезли, и в его левой руке оказался молочно-белый пластиковый шприц.

– Если Господь Бог и создал что-нибудь лучшее, Он приберег это для себя.¹² Знаешь такую поговорку?

¹² Цитата из книги Уильяма Берроуза «Джанки. Исповедь неисправимого наркомана», опубликованной в 1953 г. под псевдонимом Уильям Ли.

– Да, – кивнул Кейс, – слышал, и по самым разным поводам. Ты всегда устраиваешь такой спектакль?

Ривьера снял с руки стягивавший ее жгут.

– Да. Так смешнее. – Он улыбнулся, глаза его почти не замечали окружающего, на щеках вспыхнул румянец. – У меня над веной мембрана, чтобы не нужно было беспокоиться о состоянии иглы.

– И не больно?

– Конечно больно, – блеснул глазами Ривьера. – Необходимый элемент.

– Я бы пользовался дермами, – сказал Кейс.

– Дилетант! – засмеялся Ривьера, надевая белую рубашку с короткими рукавами.

– Приятно, наверное, – заметил Кейс и встал.

– А сам-то ты как? Куришь, ширяешься?

– Пришлось, к сожалению, бросить.

– Фрисайд. – Армитидж тронул пульт маленького проектора «Браун»; почти трехметровая голограмма вздрогнула и приобрела резкие очертания. – Здесь находятся казино. – Он ткнул пальцем прямо в какую-то точку объемного изображения. – Здесь расположены отели, здесь – частные владения, а вот здесь – магазины. – Рука двигалась все дальше. – Голубым отмечены озера. – Армитидж подошел к одному из концов модели. – Сигара большая, сужается к концам.

– Это мы и сами видим, – заметила Молли.

– Сужение создает горный эффект – земля уходит вверх, все круче и круче, но подниматься там легко. Чем выше поднимаешься, тем ниже тяготение. Здесь проводят спортивные соревнования. А вон там – велодром. – Он указал точку на модели.

– Что? – поразился Кейс.

– Они гоняют на велосипедах, – ответила Молли. – Низкая гравитация и шины с высоким сцеплением – скорость получается за сто километров в час.

– Этот конец нас не касается, – со своей обычной серьезностью заметил Армитидж.

– Блин, – возмутилась Молли, – а я обожаю велики. Ривьера хихикнул.

Армитидж перешел к противоположному краю проекции: – Нас интересует другой конец.

Эта часть веретена казалась совершенно пустой, подробности внутреннего устройства отсутствовали.

– Это и есть вилла «Блуждающий огонек». Крутой подъем, все подходы перекрыты. Единственный вход здесь, точно в центре. Полная невесомость.

– А что внутри, босс? – Ривьера подался вперед и вытянул шею.

Возле пальца Армитиджа замерцали четыре крошечные фигурки. Армитидж отмахнулся от них, как от комаров.

– Питер, – объявил он, – тебе предстоит узнать это первому. Организуй себе приглашение. А когда будешь на вилле

– обеспечить проникновение Молли.

Кейс смотрел на ничем не заполненные контуры «Блуждающего огонька» и вспоминал историю, рассказанную Финном: Смит, Джимми, говорящая голова, ниндзя.

– Нельзя ли узнать подробности? – спросил Ривьера. – Видите ли, мне нужно знать, как одеться.

– Запоминайте улицы. – Армитидж вернулся к середине схемы. – Здесь – Дезидерата-стрит. А вот – рю Жюль Верн.

Ривьера закатил глаза.

Армитидж перечислял названия улиц Фрисайда, и вдруг у него на носу, щеках и подбородке вскочила россыпь ярких прыщей. Даже Молли не выдержала и засмеялась.

Армитидж остановился и окинул слушателей холодным бесстрастным взглядом.

– Извините, – пробормотал Ривьера, прыщи мигнули и пропали.

Глубокой ночью Кейс проснулся и обнаружил, что Молли не лежит, а стоит рядом с ним, низко, словно перед прыжком, пригнувшись. Дальше – больше. Молли резко взметнулась и буквально пролетела сквозь стену; Кейс не сразу сообразил, что она попросту пропоролла лист желтого пластика.

– Ни с места, приятель.

Кейс перевернулся на живот и просунул голову в прореху:

– Какого...

– Заткнись.

– Ты и есть та самая, – послышался голос, явно принадлежавший кому-то из сионитов. – Тебя зовут Кошачий Глаз или еще Танцующая Бритва. Меня зовут Мэлком, сестренка. Братья хотят побеседовать с тобой и ковбоем.

– Какие еще братья?

– Основатели, сестра. Сионские мудрецы...

– Если открыть люк, свет разбудит босса, – прошептал Кейс.

– Я там все потушил, – настаивал гость. – Давайте. Мы пойдем к Основателям.

– Ты знаешь, приятель, как быстро я могу тебя порезать?

– Сестра, не надо стоять и разговаривать. Пошли.

Из пяти Основателей Сиона в живых оставались только двое, оба – глубокие старики, особенно дряхлые из-за ускоренного старения, неизбежного для тех, кто слишком уж долго прожил вне объятий гравитации. В резком свете отраженного солнца их коричневые ноги с явными признаками кальциевой недостаточности выглядели хрупкими щепочками. Основатели парили внутри сферической камеры, стенки которой были расписаны яркой буйной листвой. В воздухе висел густой смолистый запах.

– А, Танцующая Бритва, – сказал один из старцев, когда Молли всплыла в камеру. – Ты подобна рукоятке хлыста.

– Это у нас такое предание, сестра, – пояснил другой, – ре-

лигиозное предание.¹³ Мы рады, что ты последовала за Мэл-комом.

– Почему вы не говорите на здешнем жаргоне? – спросила Молли.

– Я приехал из Лос-Анджелеса, – ответил старик. Его тускло-седые косички казались перепутанными ветками какого-то странного дерева. – Много лет тому назад я покинул Вавилон и поднялся сюда по гравитационному колодцу. Чтобы показать Народу путь к дому. А теперь мой брат считает, что ты и есть Танцующая Бритва.

Молли вытянула правую руку, и в дымном воздухе блеснули лезвия.

Второй Основатель откинул назад голову и засмеялся:

– Скоро грядут Дни Последние. Голоса. Голоса, вопиющие в пустыне, предрекающие падение Вавилона...

– Голоса. – Основатель из Лос-Анджелеса посмотрел на Кейса. – Мы сканируем множество частот. Мы все время слушаем. И вот из вавилонского этого столпотворения доносится голос, который обращается к ним. Он сыграл нам потрясный даб.

– Называется Уинтер Мьют, – подсказал второй старик, разделив одно имя на два.¹⁴

¹³ Танцующая Бритва (Steppin' Razor) – аллюзия на песню «Steppin' Razor», написанную «отцом регги» Джо Хигтсом в 1967 г. и через десять лет перепетую другим ямайским музыкантом, Питером Тошем (альбом «Equal Rights», 1977).

¹⁴ Winter (англ.) – зима. Mute (англ.) – немой.

По рукам Кейса побежали мурашки.

– К нам воззвал Мьют, – продолжил первый Основатель. –

Мьют сказал, что мы должны вам помочь.

– Когда это было? – спросил Кейс.

– За тридцать часов до вашего прибытия в Сион.

– Вы слышали этот голос раньше?

– Нет, – ответил старик из Лос-Анджелеса, – и мы не уверены в его истинности. В Дни Последние следует ожидать ложных пророков...

– Послушайте, – взметнулся Кейс, – к вам обращался ИскИн, понимаете? Искусственный интеллект. А эта музыка – он просто перекачал мелодии из ваших же банков, а потом намешал из них крошку в вашем вкусе и...

– Вавилон, – перебил его Основатель, – порождает сонмища дьяволов, мы это знаем. Имя им – легион.

– Так как ты называл меня, старик? – переспросила Молли.

– Танцующая Бритва. Ты обрушишь кару на Вавилон, сестра, и поразишь его черное от греха сердце...

– А что сказал голос? – поинтересовался Кейс.

– Что мы должны вам помочь, – сказал другой старец, – и что вы послужите орудием Дней последних. – На сморщенном, как печеное яблоко, лице появилась озабоченность. – Мы должны послать с вами Мэлкома на его буксировщике «Гарви»,¹⁵ в вавилонскую гавань Фрисайд. Мы так и сделаем.

– Мэлком – крутой парень, – добавил второй старик, – и

¹⁵ От имени растафарианского пророка Маркуса Гарви (1887–1940).

праведный пилот.

– Но мы решили послать заодно Аэрола на «Вавилонском роkere», чтобы присмотрел за «Гарви».

В размалеванной всеми цветами радуги сфере повисло напряженное молчание.

– Вот как? – удивился Кейс. – Так вы что, тоже работаете на Армитиджа?

– Нет, мы только сдаем вам помещение, – сказал лос-анджелесский Основатель. – Мы не подчиняемся законам Вавилона. Наш закон – Слово Джа. Хотя на этот раз мы могли неверно его понять.

– Семь раз отмерь, один отрежь, – негромко добавил второй.

– Ладно, Кейс, пошли, – сказала Молли, – пока босс нас не хватился.

– Мэлком вас проводит. Джа вас любит, сестра.

9

Буксировщик «Маркус Гарви», стальной барабан девяти метров длиной и двух метров в диаметре, содрогнулся – Мэлком врубил маршевый двигатель. Затянутый в эластичную противоперегрузочную подвеску, Кейс разглядывал сквозь скополаминовый туман мускулистую спину сионита. Он принял эту отраву, чтобы хоть немного приглушить СКА, но ни один из стимуляторов, заложенных в таблетку

производителем для компенсации скополамина, не действовал на его тюнингованный организм.

– За сколько мы доберемся до Фрисайда? – поинтересовалась Молли, висевшая в такой же сетке рядом с пилотским модулем.

– Теперь недолго, это точно.

– Слушайте, парни, а часы для вас существуют?

– Время, сестра, наступает вовремя, ты меня понимаешь? Дреды, – Мэлком потрянул своими косичками, – у руля, и мы, сестра, приедем во Фрисайд, когда мы приедем...

– Кейс, – сказала Молли, – у тебя вышло что-нибудь насчет контакта с нашим приятелем из Берна? Ты же все это время сидел с декой и шевелил губами.

– С приятелем, – кивнул Кейс, – ну да, с приятелем. Нет. Не удалось. Но когда мы уезжали из Стамбула, со мной случилась странная история.

Кейс рассказал ей о таксофонах в «Хилтоне».

– Господи, – мучительно скривилась Молли. – Это ж какой был шанс. Почему ты повесил трубку?

– Да это мог быть кто угодно, – соврал Кейс. – Электронный голос... Я и не знал... – Он пожал плечами.

– А может, просто струсил?

Кейс снова пожал плечами.

– Свяжись с ним сейчас.

– Что?

– Сейчас. Ну хотя бы поговори об этом с Флэтлайном.

– У меня котелок не варит, – отнекивался Кейс, но все же полез за дерматродами; дека и «Хосака» стояли позади модуля пилота, рядом с монитором высокого разрешения фирмы «Крэй».

Кейс отрегулировал хайратник с контактами. «Маркус Гарви» был состряпан на основе огромного допотопного русского воздухоочистителя – прямоугольной хреновины, разукрашенной растафарианской символикой, Львами Сиона и Лайнерами Черной Звезды:¹⁶ красные, зеленые и желтые картинки поверх каких-то старых надписей кириллицей. Кто-то покрыл все навигационное оборудование Мэлкома слоем ядовито-розовой краски, забрызгав при этом приборы и экраны так, что пришлось отскребать их бритвой. С прокладок носового шлюза свисала бахрома из не совсем еще затвердевших полос и капель прозрачной герметизирующей замазки, лохмы эти колыхались, напоминая плохую имитацию водорослей. Кейс посмотрел из-за плеча Мэлкома на центральный экран с маршрутной схемой; путь, проделанный «Маркусом», изображался цепочкой красных точек, а Фрисайд – зеленым кругом, разделенным на сегменты. Загорелась новая красная точка.

Он щелкнул тумблером деки:

– Дикси?

¹⁶ По названию *Black Star Line* – судоходной компании, учрежденной Маркусом Гарви для возвращения чернокожих американцев в Африку и действовавшей в 1919–1922 гг. Ей посвящен регги-хит Фреда Локса «Black Star Liners» (1976).

– Да.

– Ты пробовал когда-нибудь взломать ИскИн?

– Конечно. И выпал в осадок. В первый раз. Я развлекался, залез очень высоко, в коммерческий сектор Рио. Большой бизнес, транснациональные корпорации, правительство Бразилии – всё в огнях, что твоя рождественская елка. Просто резвился, и ничего больше. А затем я начал ковырять этот куб – тремя, наверное, уровнями выше. Врубился и сделал заход.

– На что он был похож?

– Просто белый куб.

– А как ты понял, что это ИскИн?

– Как понял? Господи! Да там был самый плотный лед, какой я только видел. Так что же это еще могло быть? У тамошних военных ничего и похожего не было. На всякий случай я вышел из киберпространства и приказал компьютеру проверить, что это за куб.

– Ну и как?

– Он оказался в Тьюринг-реестре. ИскИн. А владельцы железа – машины, которая стоит в Рио, – какие-то лягушатники.

Кейс задумчиво пожевал нижнюю губу и устремил взгляд в раскинувшуюся за террасами Ядерной комиссии Восточного побережья нейроэлектронную бесконечность матрицы.

– Тессье-Эшпул – так, что ли?

– Да, Тессье.

– И ты опять туда полез?

– Ну да. Я совсем спсихел. Дай-ка, думаю, взломаю я этот лед. Углубился в первый слой и – пишите письма. Мой ученик унюхал горелую кожу и сдернул с меня дерматроды. Гадская штука, этот лед.

– И энцефалограф выдал прямую линию.

– Ну да, об этом же песни слагают.

Кейс вышел из киберпространства.

– Вот же мать твою, – ошарашенно пробормотал он. – Каким, ты думаешь, образом Флэтлайн впал в мозговой коллапс? Сделал заход на ИскИн. Веселенькая история.

– Ну и что? – пожала плечами Молли. – Справитесь как-нибудь, вы ведь крутые ребята.

– Дикси, – сказал Кейс, – я хочу взглянуть на бернский ИскИн. Можешь придумать причину, почему мне не стоит этого делать?

– Если ты не отягощен низменным страхом смерти – нет, не могу.

Кейс набрал код швейцарского банковского сектора и ощутил волну радостного возбуждения, когда киберпространство задрожало, размылось и потекло. Вместо Ядерной комиссии Восточного побережья появилась холодная геометрическая структура коммерческих банков Цюриха. Теперь он набрал код Берна.

– Двигай вверх, – подсказал конструктор. – Это будет очень

высоко.

Они поднялись по светящейся решетке голубых мерцающих уровней.

«Вот он», – подумал Кейс.

Уинтермьют оказался обычным белым кубом, за видимой простотой явно угадывалась крайняя сложность.

– И посмотреть-то вроде бы не на что, правда? – заметил Флэтлайн. – Но ты его только тронь.

– Я сделаю небольшой заход.

– Да кто ж тебя держит?

Кейс придвинулся к кубу на расстояние четырех периодов решетки. На вздымавшейся перед ним чистой белой грани замелькали тени, как будто тысячи танцоров закружились за огромным замерзшим окном.

– Чует, что мы здесь, – заметил Флэтлайн.

Кейс снова нажал клавишу, и они прыгнули на один период вперед.

На лицевой грани куба появился серый пунктирный круг.

– Дикси...

– Быстро назад.

Серый круг плавно вспух, превратился в сферу, которая оторвалась от куба.

Край деки больно впился в ладонь Кейса, когда тот изо всех сил ударил по клавише «ПОЛНЫЙ НАЗАД». Матрица замелькала, отсчитывая уровни в обратном направлении, они нырнули в сумеречную штольную швейцарских банков.

Кейс посмотрел вверх. Сфера потемнела и нагоняла его. Падала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.